

АЛЕКСАНДР ТЕСТОВ

СОКРУШАЯ
ВРАГОВ

Александр Тестов
Сокрушая врагов
Серия «Варяги», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=292002
Сокрушая врагов: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-9942-0500-6

Аннотация

Трое друзей, Вадим Хлопин, Павел Соколов и Андрей Юрьев, низверглись сквозь мрак столетий и очутились в IX веке от Рождества Христова на берегах Ладожского озера. Превратности судьбы и воля богов разбросали их далеко друг от друга. У каждого свой путь, но каждый из них не оставляет надежды найти друзей и вернуться домой.

Содержание

Введение	5
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	18
Глава третья	24
Глава четвертая	29
Глава пятая	35
Глава шестая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Тестов

Сокрушая врагов

Как лист пергамный, я жизнь свою
До нитки изодрал в куски.
Но вам смеяться не позволю
Над этими ошметками судьбы!

Пусть боги жаждут моей смерти,
Но я не верую в богов!
Пускай мне прижигают пятки,
Но я не признаю оков!

Не вам судить об этих муках,
Вы не рыдали от потерь.
Ведь это мой остывший прах
Без слова вынесут за дверь.

Введение

Капитан милиции – старший следователь отдела, оторвал уставшие глаза от протокола, встал и подошел к окну. На улице моросил мелкий осенний дождик, а сильный порывистый ветер срывал с деревьев последние листья. Он повернул рычажок и закрыл жалюзи.

Капитан вернулся за рабочий стол, машинально посмотрев на часы. Казенные «ходики» неумолимо приближали конец рабочего дня.

– Итак, Анастасия Геннадьевна, ну-с, давайте продолжим, – обратился капитан к сидевшей напротив него заплаканной девушке, – так когда, говорите, он пропал?

– В начале августа, – всхлипнула девушка, утирая слезы носовым платочком, – прямо перед свадьбой...

– А когда была назначена ваша свадьба?

– На десятое августа...

– Да вы не плачьте. – капитан налил в стакан воды из графина. – Вот, выпейте лучше водички, прошу вас.

Девушка слегка дрожащей рукой взяла стакан, отпила.

– Прошу вас, господин следователь, только не надо говорить, что он от меня... Ну то есть со свадьбы сбежал...

– Я и не говорил...

– Зато наверняка подумали именно так, – она в очередной раз всхлипнула, утерла нос. – Вы не думайте, мы же любили друг друга...

– Хорошо, хорошо, – поспешил заверить капитан, – только не нужно плакать.

Она устало всхлипнула и, скомкав носовой платок, поспешно убрала его в сумочку.

– Больше не буду, – глубоко вздохнув, пообещала девушка.

– Точно не будете?

– Нет, не буду. Задавайте свои вопросы.

Следователь уткнулся в протокол, бегло прошелся по строчкам.

– Та-ак, – протянул он, – значит, вы его видели в последний раз именно первого августа, перед отъездом на исторический фестиваль?

Девушка посмотрела на него, ее губы вновь за-дрожали, из глаз опять покатались слезы.

– Ну почему вы так говорите? Почему в последний раз? Вы что, его не найдете?

– Гражда-а-аночка, – теряя терпение, нараспев произнес капитан, – ну давайте не будем... Следствию необходимо установить истину. Ход событий, так сказать. Вот именно из этих побуждений я и сказал «в последний раз», понимаете?

– А?

– Не волнуйтесь вы так. Найдем мы вашего жениха – найдем.

Он взял ручку и приготовился писать дальше.

– Итак, повторяю вопрос: он уехал от вас первого августа?

– Да.

– А вы не знаете, с кем он должен был поехать на этот фестиваль?

– Знаю, – обиженно ответила девушка, – с этим, Вадькой Хлопиным... Это он моего Пашу утащил на фестиваль этот дурацкий.

– Так значит, вы подтверждаете, что Павел Соколов отправился в Выборг вместе с Вадимом Хлопиным?

– Подтверждаю. Он мне звонил оттуда и говорил, что они с Вадимом...

– Ясно, – капитан записал ее слова в протокол. – А скажите, они не собирались никуда ехать после фестиваля? Я имею в виду – никуда, кроме как домой, в Питер?

– Ой, боже мой, – громко вздохнула Анастасия, – да куда же ему было ехать как не назад? Я же говорю: у нас свадьба должна была состояться, все уже и готово было...

– Понятно, вы только не волнуйтесь. А скажите, когда он звонил вам в последний раз?

– Утром третьего августа.

– А что говорил?

– Говорил, что любит...

– Ну, это понятно, а что еще говорил? Может, упоминал что-нибудь? Может, они с Вадимом в бар или кафе собирались зайти по возвращению в город?

– Нет, ничего такого. Сказал, что наутро они возвращаются – и все.

Капитан одернул пиджак, добавил ее слова в протокол.

– А не говорил ли ваш жених еще про кого-нибудь? Возможно, они познакомились там с кем?

– На что это вы намекаете? Мой Паша не такой! О другой женщине не может идти и речи!

– Вы меня неправильно поняли. Я совершенно не имел в виду обязательно женщину. Может быть, они познакомились с кем-то еще...

– Не знаю, – обиженно ответила девушка, – я не знаю. Паша ни про кого мне не говорил.

– Вспомните, пожалуйста, а был ли у вашего Павла или у Вадима знакомый по фамилии Юрьев, Андрей Владимирович? – спросил капитан, полистав протокол.

Девушка на секунду задумалась.

– Нет, не было такого.

– Вы точно это знаете?

– Точно. Не было у них в друзьях никакого Юрьева.

– Может быть, не друг, а просто знакомый?

– Да нет, это совершенно исключено, – отрезала Анастасия, – иначе бы я знала.

– А вы что, действительно всех друзей своего Павла знаете?

– Да, всех, – с гордостью произнесла девушка, – у нас нет секретов друг от друга.

– Хорошо... допустим.

Следователь оторвался от протокола и посмотрел на нее.

– А у вас есть какие-нибудь предположения, где могут сейчас находиться Павел и Вадим? Хотя бы гипотетически, куда они вдвоем могли поехать?

– Вы что, издеваетесь? – не выдержала девушка, – да никуда они не могли собратся! Пропали они, понимаете, пропали... и мы ничего не знаем.

Как она ни крепилась, слезы вновь полились из глаз. Скомканный носовой платок был снова извлечен из сумочки и применен по назначению.

– Хорошо, у меня к вам пока все, – подытожил свидетельский допрос капитан, – вот, возьмите протокол и внимательно прочитайте, пожалуйста.

Он развернул исписанные бумажки и протянул ей. Все еще придерживая платок у лица, она взяла протокол и начала читать.

– Да, все правильно, – произнесла девушка после беглого осмотра двух страниц, исписанных мелким неровным почерком.

– Вам все понятно?

– Да, конечно.

– Тогда возьмите ручку, – капитан протянул ей авторучку, – и пишите...

– Что писать?

– Пишите: с моих слов записано верно, замечаний и дополнений нет – и подпись... и дату не забудьте поставить.

– А какое сегодня число? – спросила девушка, продолжая писать.

– Первое октября, – подсказал следователь.

* * *

После того, как ушла Анастасия Геннадьевна, несостоявшаяся невеста пропавшего два месяца тому назад Павла Соколова, проходившая по делу о его исчезновении как свидетельница, капитан вышел из кабинета. Он закрыл дверь на ключ, дернул, удостоверившись, что замок сработал, и двинулся по длинному коридору третьего этажа к лестнице. Проходя мимо кабинета начальника, он словно что-то почувствовал и замедлил шаг. Дверь и в самом деле открылась.

– А, Иванов. Ну, как там у нас с Выборгским исчезновением? – спросил подполковник, заметив капитана.

– Работаем, Николай Николаевич, – ответил следователь.

– Тут, Иванов, работай не работай, а погонами чую, что «глухарь». – начальник закрыл дверь и повернул ключ в замке.

– Так точно, – устало ответил капитан, – свидетель у нас только один. Баба Глаша. Она видела, как они в башню заходили.

– А оттуда?

– Так в том-то и дело, что они вперед ее туда прорвались. Вот она и принялась их сторожить, когда они оттуда слезут. А они так и не вышли.

– Вот я и говорю – «глухарь»!

– Ну не на вертолете же они с башни улетели? Бабка могла и не заметить, как они спустились. Такого ж не бывает, чтоб люди в дверь вошли, но не вы-шли.

Подполковник, закрыв дверь, спросил:

– Тебя подкинуть до метро?

– Спасибо.

– Ну пойдем. А сколько их там, говоришь, было?

– Баба Глаша утверждает, что трое.

– А кто, выяснил?

– Двое наших – питерских, а третий не установлен.

Они подошли к лестнице, начали спускаться.

– Слушай, капитан, ты особенно-то не бери в голову, – вдруг изрек подполковник, – у нас и не такие люди пропадали... Это ведь не убийство – сто процентов.

– Да уж, точно не убийство, – согласился капитан, – иначе были б хоть какие-нибудь следы.

– Вот.

– Так что же это тогда? Мистика какая-то.

Начальник резко остановился.

– И я про то же думаю – мистика, – он натянуто улыбнулся. – Глядишь, пройдет время, и сами объ-явятся.

– А если нет?

– Ну, на нет и суда нет...

Часть первая Под сенью Юмала

*Поминайте меня как звали,
Давним именем, что звучит,
Отголосками звонкой стали,
Что в висках после боя стучит.*

*Может, сотню... быть может, с лишним,
Сотню жизней тому назад,
В настоящей, как небо, жизни —
Что пройдет через сотни преград.*

Глава первая Дорога домой

*Дорога домой всегда кажется короче.
Народная мудрость*

Заплыв до спасительного берега оказался непросто. Тяжело дыша, Павел и Юски выбрались на пологий берег реки. Сильное течение Волхова снесло их на приличное расстояние от Альдегьюборга и от места речного сражения. Чтобы выгрести и не попасть в коварные омуты, им пришлось здорово поднапрячься, особенно досталось вепсу, который не был приучен к столь длительным водным заплывам. Павлу, имевшему некоторую «бассейную» подготовку, было куда легче, но и он к концу стал заметно сдавать. На последних метрах до вожделенного берега вепс попытался было утонуть, и главе медвежьего рода пришлось спасать незадачливого пловца. Схватив Юски за волосы, как учили еще в школе на уроках ОБЖ, Павел вытянул вепса из цепких лап водяного. Хотя теперь выгрести стало еще труднее, Павел, несмотря ни на что, старался спасти товарища, скрипел зубами, стонал, но держал. Казалось, еще несколько секунд — и силы оставят его, и тогда прощай, жизнь, прощайте, мечты...

Но когда ноги уперлись в каменистое дно и мысли просветлились, чертовски захотелось продлить эту жизнь, пусть даже в этом нелепом, оголтелом прошлом, где все только и думают, как убить друг друга. Павел что было сил рванул тело вепса на себя, стараясь поставить его на ноги. Юски сопротивлялся, барахтался, как испуганная черепаха, но тут и он, нащупав под ногами твердь, изрыгая из уст своих речную воду, заработал ногами, помогая Павлу себя вытянуть.

Выбравшись на сушу, они упали лицом вниз, блаженно растянувшись на пожелтевшей траве.

— Спасибо, — устало выдавил из себя вепс, немного отдышавшись.

— Не за что, — ответил глава рода, разжимая кулак и освобождая руку от приличного клока волос, выдранный из головы Юски, — не за что...

Павел быстро восстановил дыхание.

— Да уж, — пробурчал он себе под нос по-москальски, — весело погуляли.

— Что? — не понял вепс.

Павел не ответил. Азарт боя прошел, и холодное купание дало о себе знать. Глава медвежьего рода забарабанил зубами, а тут еще как нахло налетел ветер. Мокрая рубаха и штаны,

прилипнув к телу, холодили, и Павел невольно задрожал от кончиков волос до ногтей на ногах.

– Ч-ч-е-р-р-т-т, о-о-г-г-го-го, ч-ч-е-е-р-р-т-т. – зубы плясали, выбивая ознобную чечетку.

Юски замерз не меньше, и его зубы выдавали столь же музыкальные ритмы. Вепс перевернулся на спину, а затем резко вскочил на ноги. Он обхватил себя руками, стал растираться и подпрыгивать, стараясь согреться.

– Кажется, всё... – внезапно проронил вепс, перестав скакать.

– Что все? Что там? Что? – спросил глава рода, переворачиваясь на спину и садясь.

Юски указал на реку. От места боя в их сторону течение несло несколько пустых драккаров. Дрожь мгновенно пропала, и Павел замер, вглядываясь в очертания кораблей. Нет. Никакого движения на них не было, во всяком случае, он не заметил. Павел видел, что первым несет черный драккар, на котором сражался Вадим. Судно вертелось на волнах, медленно поворачиваясь поперек течения то одним, то другим бортом. Наконец река плотно сжала черный драккар, и он, встав носом по течению, ускорил свой бег.

Когда драккар поравнялся с тем местом, где находились Павел и Юски, первый из них встал и начал громко звать друга:

– Вадим! Вадим!

А второй стал подпрыгивать, стараясь с высоты берега разглядеть, что там на борту.

– Вадим! Вадя! – не унимался Павел.

Он сложил руки рупором и усердствовал:

– Вадим!!! Вадим!!!

Черный драккар качнулся, его медленно накренило, сильная волна ударила в правый борт, и судно развернуло. Теперь оно шло кормой вперед. Рулевое весло безжизненно болталось из стороны в сторону, задавая бесцельный курс.

– Вадим! Вадя!!!

Юски, перестав скакать, протяжно втянул воздух ноздрями и, сделав шаг к Павлу, положил ему руку на плечо:

– Пустое, – негромко сказал вепс, – там все лежат... мертвые они... все.

Павел порывисто обернулся и скинул руку вепса со своего плеча:

– Вадим?... – протянул он, и его серые глаза увлажнились.

– Мертвые они... – повторил вепс, – твой друг лежит рядом с Валуем... я видел.

Павел крепко зажмурился, разгоняя слезы. Он мотнул головой, руками оттер глаза.

– С такого расстояния, и ты увидел? – пытаюсь быть твердым, спросил Павел.

– Да, – ответил Юски, – лежат, я видел, я же охотник...

Глава рода бросил на реку прощальный взгляд. Черный драккар уходил к повороту. Вот сейчас он обогнет берег и все! Все! И нет у него больше друга. Умер! Погиб! Всё, конец! Черт!

– Ва-адя-я-я...

С тихим всхлипом глава медвежьего рода тяжело опустился на землю. Он поджал ноги, положил на колени руки и, уткнувшись в них, предался скорби. Да – скорби, ведь мужчины не плачут...

– Ты поплачь, – по-отцовски произнес Юски, – поплачь, о друге можно поплакать, когда никто не видит... – Вепс легонько похлопал Павла по плечу.

«Эх, Вадя... – Павел глубоко вздохнул и задержал дыхание. Слез больше не было, их прервала память: – Вадя. Как же это давно все было. В другой жизни, которую не вернешь... Только память... Школа, городская библиотека и книжки с картинками, на которых воины в кольчугах и латах совершали безумно-отважные подвиги. Клялись в верности и обещали вернуться...

Походы в лес... и случайно найденный блиндаж с пятью погибшими красноармейцами. Жутко и страшно. А потом рванувший в костре снаряд – глупость, игра со смертью, но, черт возьми, а ведь хотелось под танки! Нам, пацанам, которым не досталось ничего, кроме дедушкиных рассказов о войне. Нам хотелось под танки! И непременно герои – это мы!»

Павел, погрузившись в воспоминания, не сразу услышал, как Юски что-то тревожно говорит. Он с трудом приподнял голову, хотелось спать, и чтобы никто не трогал, не беспокоил...

Вепс грубо обхватил Павла за плечи, толкнул и повалил на землю.

– Что еще? – непонимающе пискнул глава рода из-под плотно прижавшего его тела.

– Тихо, – почти в самое ухо прошептал ему Юски, – они возвращаются...

Вепс немного ослабил хватку, и теперь, высвободив голову, Павел и сам увидел, что один из драккаров викингов идет по течению, туда, где за поворотом скрылись унесенные течением пустые корабли.

– Не иначе пошли добычу собирать, – высказал предположение Юски, – ладьи очень ценная добыча.

Они лежали на земле, пока судно викингов не скрылось за поворотом.

– Изловят сейчас ладьи и к боргу поволокут, – продолжил свои догадки вепс, поднимаясь.

– А там же Вадя! – встрепнулся Павел. – Юски, ты не знаешь, что они делают с трупами врагов?

Вепс пожал плечами:

– Не знаю, может, сожгут, а может, за борт покидают.

– Не скажет ни камень, ни крест, где легли... – невольно вырвалось у Павла по-московски.

– Что ты сказал? – спросил Юски.

– Не будет у наших воинов могил, – вновь перейдя на понятный вепсу язык, ответил глава рода.

– Да-а-а, – протянул Юски, – мне жаль твоего друга, он был славным воином.

Павел опять чуть было не пустил слезу, но совладал с собой. Он сел и посмотрел на реку. У борга еще кипел бой.

– Интересно, а что там? – спросил он. – Чья берет?

Юски оценил обстановку зорким охотничьим взглядом.

– Кажется, и там все! – с горечью в голосе изрек вепс.

– Что? Ну что там?

– Северяне идут к боргу, – ответил Юски, – а наши подались к берегу. – Вепс встал во весь рост, вытянулся на цыпочках. – Там что-то случилось, что-то неладное...

Павел нехотя тоже поднялся, стал всматриваться вдаль. Расстояние было велико, и все же им удалось разглядеть, что новгородцы, пристав к берегу, сходят на сушу, и что они снимают с ладьи что-то или кого-то.

– Неужто князя... – напрягая зрение до крайности, вымолвил Юски. – Не может того быть...

Эта чудовищная, трагическая догадка вернула Павла на землю.

– Мы что, проиграли, выходит...

– Ох, – вздохнул вепс, – это плохо, очень плохо, ай-яй-яй...

Они были свидетелями боя, так трагично окончившегося в этот день для объединенного новгородско-вепсского войска. Они видели, как викинги пристали к Альдегьюборгу и сошли на берег, решив, что битва окончена. Затем им пришлось вновь крепко прижаться к земле. Посланное вдогонку за уплывшими, обезлюдевшими кораблями судно викингов возвращалось, ведя на поводу изловленные драккары.

Пропустив их, они поднялись и узрели, что ладьи новгородцев уходят вниз по течению, в сторону далекого Новгорода.

Противоположный высокий берег напротив борга опустел. Пешая и конная рати уходили. На душе стало как-то нехорошо – тоскливо.

– Ну, вот и все, – грустно констатировал Павел, – это конец.

– Надо уходить, – предложил Юски.

– Куда? – рассеянно спросил глава рода. – Куда уходить-то?

– Как куда? Домой.

Павел как-то уже и забыл, что он не просто Павел, а Баар, глава медвежьего рода, и что теперь у него есть дом – другой дом, в другом месте, в другом времени.

– Ах да... Домой, да, Юски, пойдем домой! – Но вдруг он встрепенулся, как будто припомнив что-то очень важное. – Нет, Юски. Нам надо найти драккар с Вадимом. Ведь его не было на привязи у северян.

Юски задумчиво почесал у виска.

– Да вроде не было. Ты хочешь...

– Надо найти. Я должен похоронить друга по обычаю!

– Скоро стемнеет, да и ладью уже могло вынести в озеро.

– Не спорь! – приняв грозный вид, ответил Павел. – Мы должны попробовать. У тебя есть кресало?

Юски вытянул из-под рубахи висевший у него на шее кожаный шнурок с кожаным чехлом.

– Всегда при мне.

– Вот и хорошо. Сейчас отойдем от берега, разожжем костер, обсушимся и с утра начнем поиски, – решительно изрек Павел.

Вепс едва заметно дернул плечами, – мол, как скажешь, ты же глава рода.

– Пойдем, – скомандовал Павел.

Они двинулись в сторону от берега, прочь от враждебных стен борга.

Темнело. Становилось заметно прохладнее, но они продолжали движение, пока Павел не приметил удобное место.

– Давай тут заночуем, под елью.

Юски без слов принялся обустроить ночлег для себя и Павла. Наломал лапника и сделал лежак. Павел тем временем успел наносить дров, и Юски, немного повозившись с кресалом, высек огонь. Сначала схватился сухой мох, и через минуту костерок дышал жаром.

– На реке, до озера есть ли еще повороты? – с надеждой в голосе спросил Павел.

– Как не быть, – ответил вепс, – почитай еще три поворота.

– Хорошо, – кивнул глава рода, в душе моля богов, чтобы драккар прибило к берегу на одном из поворотов.

А его должно было прибить...

* * *

Как хищные звери, осторожно, они крались вдоль берега. Часто останавливались, прислушивались... Викинги могли вернуться, да и мало ли что еще... Шли медленно, берег, обильно поросший кустами и деревьями, сдерживал темп. Да и потом, надо было быть внимательным, не проворонить, не пропустить... Оттого вглядывались в каждый ручеек, что вливался в реку, всматривались в каждый изгиб и затону, обыскивали любое место, там мог найтись драккар с Вадимом. Естественно, оглядывали и противоположный берег. Один раз Павел даже было чуть не сиганул в воду, чтобы плыть на другой берег. Ему показалось, что в прибрежных кустах торчит...

Вепсу насилу удалось уговорить главу рода. Идеальное зрение Юски разглядело всего лишь массивное бревно.

Целых два дня они убили на путь до озера, а поиски окончились ничем. Ни одной зацепки, ни единого намека...

Павел, голодный и злой, окончательно выбившись из сил, устало уселся на траву.

– Все, – обреченно изрек он, обхватив руками голову, – все напрасно...

– Да-а-а, – протянул вепс и сел рядом, – видать, ладью вынесло в озеро – там не сыщешь... На все воля богов...

– Как у вас все просто! – вдруг вскипел глава рода, вскочил и стал вышагивать взад-вперед, – воля богов, воля богов... А вот раз – и нету человека. Понимаешь, Юски, – он мой друг! Лучший друг... и единственный! Мы с ним сюда попали... – Павел осекся, он чуть было не сболтнул лишнего, но вепс понял по-своему.

– Да, Баар, я понимаю... это тяжело... Но лучше будет вернуться домой...

Приемный сын Конди без сил опустился на землю, поджав под себя ноги. Что-то ускользало, и оттого было горько и обидно. Безднадежность... хотя нет, всего лишь пере-дышка, временная... Он оглядел себя, порты проносились, рубашка местами порвалась, а обуви и вовсе не было. Нет, он твердо решил, что вернется, обязательно вернется и найдет друга. Или Вадим жив! Господи... Юмал! Пусть он будет жив. Он сам найдет выход. Он крепкий парень. Нельзя позволять себе думать о его смерти...

* * *

Павел догадывался, что путь в Каргийоки будет неблизким, но чтобы настолько... Они шли уже больше пяти суток, и наступил еще один день. «Это уже какой день?» – уставший мозг главы медвежьего рода отказывался воспринимать действительность. Особенно надоел голодный желудок, он все время ныл и ныл. Правда, Юски молодец, распустил подол своей рубахи и смастерил петли...¹

Павел впервые попробовал лесные «деликатесы», лисица – тьфу, гадость, жесткая и воняет псиной, ежик тоже не ахти, но пришлось побороть спазм и съесть сырое мясо. Вепс же, напротив, совершенно не обращая внимания на Павла, поедая и причмокивал. И все без соли! О боги!

Что там было еще? Ах да, эти мерзкопротивные лягушки, жабы и жабонята. Впрочем, Юски ухитрился развести огонь или, как он выразился, испросил лесного духа, и тот даровал огонь. Так вот, после того, как Юски обжарил на огне лягушачьи и жабы лапки, они показались даже очень ничего – прямо-таки со вкусом курицы! Вот что было действительно хорошо, так это ужи. Такие длинные и мягонькие, а после обжарки так и таяли во рту. Ну грибы и ягоды вообще не в счет, их тут было на каждом шагу, хоть косою коси, но желудок такой травой не обманешь, а есть хотелось с каждым днем все сильнее.

Был уже полдень, и Павел, удобно устроившись на мху у большой сосны, привалился к ее стволу и предался мечтаниям. Эх, как хороши были теткинны пироги с рыбой, капустой, с ягодами да под молочко – красота. Ау, тетушка, ау, пирожки, где же вы, мои дорогие?!

– Черт, где же Юски, – Павел нервно огляделся.

Вепс еще часа два назад ушел на лесную речушку, – мол, слышал он там уток.

«И как он их поймает? – думал глава рода. – Они же типа летают».

С соседней сосны упала обглоданная шишка, Павел посмотрел вверх. Белка, сложив передние лапки, жалобно смотрела вниз на оброненную вкусную шишечку.

¹ Петли – приспособление в виде затягивающейся петли для ловли птиц и мелких животных.

В желудке заурчало, Павел облизнулся, с прищуром посмотрел на белку и отрицательно мотнул головой:

– Неее, не вариант...

Павел отпустил взглядом белку, поджал одну ногу и задумался. Задумался серьезно и надолго, как-то обо всем сразу. Об этой странной жизни, что забросила его и Вадима черт знает куда. Именно его и Вадима, а об этом малознакомом ему реконструкторе Андрее-Сигурде он как-то уже и забыл. Этот Сигурд как-то быстро вылетел из их жизни. А теперь еще и Вадим. А может, он жив? Может, ему удалось?..

Желудок заурчал протяжно, с надрывом, как испорченная водопроводная труба, и мысли окончательно сбились в кучу. Из всей этой кучи уцелела только одна, самая яркая и вожаемая мысль – пожрать бы!

От, казалось, далекой лесной речушки вдруг явственно донесся печальный утиный крик. Павел оживился, отклонился от дерева, наострил уши. Он глазами пожирал кусты, в которых примерно два часа тому назад скрылся Юски. Пашин желудок ждал его возвращения и, естественно, не с пустыми руками, а с жирной, очень вкусной уткой. Он ждал и дождался.

Где-то в лесу едва слышно хрустнула ветка. Павел напряг слух. Кусты затрещали, мелкие пернатые встрепнулись, взлетая и оглашая округу игривым щебетом. Юски, откинув последнюю ветку, вышел на поляну довольно улыбающийся и с добычей в руках.

– Юски, ты сумел ее взять! – вскочив, радостно приветствовал охотника Павел.

– Вовсе и не трудно, – отмахнулся вепс, – почти как рыбу.

Юски приблизился и протянул увесистую утку товарищу:

– Возьми. Справишься?

– С чем?

– Надо ощипать.

– Кто? Я? – Павел отступил на шаг.

– Ну да, ты, Баар, ее ощиплешь, а я пока огонь разведу.

Глава рода сглотнул голодную слюну.

– Да, пожалуй, я попробую...

Паша взял протянутую ему дичь за лапы.

– Надо так надо.

Юски собрал хворост и быстро развел костерок, а Павел тем временем ухитрился выдернуть из утки четырнадцать перьев, которые аккуратно и заботливо сложил возле себя.

– О-хо-хо, – сочувственно вздохнул вепс, подходя к Павлу, – ладно уж, Баар, давай-ка я сам.

Он принял измученную утку из натруженных рук главы рода и начал ловко ощипывать перья ключьями, местами обнажая розовое мясо. Перьев было довольно много, Павел сбился со счета, хотя с чего он вдруг начал их считать, он и сам себе не мог объяснить.

«Наверное, башня с голодухи поехала», – озарила сознание оправдательная мысль, и Павел спокойно опустил на прежнее место возле сосны, предоставив заботу об ужине опытному вепсу.

Когда последнее перо упало на землю, Юски отложил утку и принялся расхаживать по полянке, уткнувшись взглядом в землю.

– Что ты там потерял? – нетерпеливо спросил Павел.

Юски резко нагнулся и поднял широкую палочку.

– Вот! – сказал он, гордо продемонстрировав находку.

Павел пожал плечами, палочка как палочка, с одного конца плоская, чем-то даже на нож похожая. Юски вернулся к «обнаженке», как Павел про себя называл ощипанную утку, склонился над ней и стал вскрывать ей брюхо.

Ловко орудуя импровизированным деревянным ножиком, вепс выпотрошил утку и разломил ее на четыре куска. Затем он изготовил из свежих веток небольшие вертела, нанизал на них куски мяса и пристроил на огонь. Оставалось только ждать.

Первым не вытерпел Павел.

– Да готово уже, Юски, – голодным голосом произнес он после десятиминутного ожидания.

– Еще нет, – твердо ответил вепс.

Он проткнул деревянным ножиком мясо, убедившись, что мясо еще кровяное.

– Еще не готово, – повторил Юски, – ты же не любишь с кровью, но можешь попробовать и так.

– И долго еще будет длиться это издевательство? – спросил глава медвежьего рода, втягивая ноздрями воздух, наполненный ароматом жареного мяса.

Расплавленный жир стекал по мясу и капал в костер, шипя и возбуждая пламя. Куски наконец стали покрываться корочкой. Павел мог поклясться, что уже чувствует во рту вкус мяса, да хрен с ним, что без соли. Желудок запел, вызывая хотя бы к маленькому кусочку. Павел ждал, он сопротивлялся, боролся с собой...

– Вот этот, кажется, готов, – обыденно произнес Юски, тыча щепкой в один из кусков.

– Да он уже давно готов, – вставая, ответил Павел, – а ты все томишь и томишь.

Вепс снял с огня вертел с готовым куском и протянул главе рода. Павел взял, глянул на пышущее жаром мясо, а затем посмотрел Юски прямо в глаза.

– Нет уж, давай вместе, – сказал он, облизываясь, – ты у нас стряпуха, тебе и честь.

Павел, обжигаясь, все же сумел переломить кусок надвое, и через минуту их зубы уже впивались в слегка жестковатое, но такое вкусное мясо.

* * *

Они шли дальше. Павел не знал, да и не мог знать дороги в Каргийоки. Он всецело доверился Юски, который только по одним ему ведомым признакам вел их домой. Вепс, как опытный охотник, всю жизнь проведенный в лесах, безошибочно определял направление. Пробираться по лесу без дорог и тропинок было крайне трудно, но они шли. Юски часто ускорял шаг, да так, что Павел едва за ним поспевал. Только так, в движении можно было хоть как-то согреться. Покинув борт драккара и нырнув в воды Волхова, они остались в одних рубахах и портах. Благо еще Юски ухитрился из шкуры убитой и съеденной лисицы сделать обувь для главы рода. Воняло, конечно, но идти было куда удобнее, чем босиком. Сам же вепс продолжал топтать голыми ногами.

«Что у него пятки из железа, что ли?» – мимоходом думал Павел, когда под ногами Юски хрустели толстые ветки.

Лес часто менялся. Ельники и редкие сосновые борки перемежались густыми, практически непролазными лиственными участками, а еще эта ужасная крапива – завядшая от первых сентябрьских морозов, но не менее жгучая.

Павел несказанно обрадовался, когда они вышли на берег довольно большой реки.

– Сьясь, – тихо произнес Юски.

– Так мы близко? – в предвкушении близкого тепла и отдыха спросил глава рода.

– К завтраму дойдем.

– Ух... уже хорошо, может, присядем, Юски? – предложил Павел и первым опустился на траву.

– Нет, Баар, надо идти, – воспротивился вепс, – я узнаю эти места, здесь должен быть порог, а за ним наш летник.

– Что?

– Летник, шалаши рыбаей наших, – пояснил Юски, – я сам в прошлое лето ходил сюда за рыбой. Дойдем до летника, сможем там переночевать.

– А далеко?

– Нет. Пойдем, я покажу...

По меркам Юски, это было недалеко, но Павлу показалось, что они прошли немало. Наконец, они приблизились к речному порогу, и вепс радостно объявил, что они пришли. Павел покрутил головой, но, не обнаружив никаких шалашей, сделал Юски выговор за обман. Однако вепс, ничуть не обидевшись, объявил, что, мол, они действительно пришли, и теперь дело за малым – надо переправиться на другой берег. Там и будет долгожданный летник. Глава рода запротестовал, ему никак не хотелось лезть в воду.

– Пойдем, Баар, здесь порог и мелко, – сказал вепс и стал первым спускаться к воде.

Мелкие и средние камни почти сплошь перегородили реку, образовав своеобразный мост, связывающий оба берега. Вершины больших валунов торчали чуть в стороне от порога, словно их кто-то специально устроил именно здесь в качестве волнорезов.

Павел спустился к реке вслед за Юски и взглядом оценил расстояние до противоположного берега. Река в этом месте была не более семидесяти метров в ширину, а каменистый порог не доходил до другого берега всего на пару метров.

– Аки посуху, – изрек Павел, оценив препятствие.

Юски, без слов, ловко спрыгнул с берега на ближайший торчащий из воды камень. Затем он перепрыгнул на другой валун, освобождая место для товарища. Глава рода колебался недолго – надо так надо! Прыгая с камня на камень, как горные серны, они достигли середины порога. Дальше оказалось немного сложнее. Камни предательски уходили под воду, хоть и не глубоко, но все же ноги пришлось замочить. Юски, быстро семеня, преодолел это расстояние и взобрался на большой камень, от которого оставалось только хорошенько оттолкнуться и прыгнуть на другой берег, что он и сделал. Павел проделал тот же самый путь, забавно расставляя ноги колесом. Он с разгону заскочил на камень, оттолкнулся и... приземлился в объятия вепса. Они не устояли, упав на землю.

– Осторожнее надо, Баар, – сдержанно по-отцовски произнес вепс.

– Ага... спасибо, – ответил Павел.

Они поднялись, отряхнулись, и тут едва слышно колыхнулись прибрежные кусты, раздвигаясь и пропуская вперед незнакомцев.

– Та-а-ак, – протянул гнусавый голос, – и кто это у нас такие?

Фраза была произнесена по-словенски, Павел и Юски резко обернулись на голос. Говоривший был одет в заношенный бледно-зеленый плащ, из-под которого виднелась серая некрашенная рубаша, перехваченная тонким кожаным ремнем. Незнакомец поправил суконную шапку с меховой опушкой и демонстративно откинул полу плаща, обнажив торчавший слева на поясе длинный охотничий нож. За спиной незнакомца стояли еще трое мужчин, одетых погрязнее и имевших классический вид «джентльменов» с больших, малых и в том числе проселочных дорог. Именно такими Павел их и представлял себе по многочисленным фильмам. Хотя здесь, где их застукали эти «джентльмены», вообще не было НИКАКИХ дорог. «Кажется, влипли, – мелькнула в голове главы медвежьего рода обреченная мысль. – По виду – конченные негодяи!»

– Кто такие? – повторил тот же голос.

Длинная темно-русая борода гнусавого была перехвачена посередине тоненьким кожаным шнурком, образуя большую кисть наподобие помазка для пены. Павел заметил, что левый глаз говорившего моргает в два раза чаще, чем правый, это могло бы показаться забавным, если бы не данная ситуация.

Юски отступил чуть в сторону, прикрывая своим телом главу рода – его сразу насторожило, что все незнакомцы вооружены топорами. Вепс уже хотел схватить Павла за руку

и рвануть прочь, поскольку был уверен, что бандиты окажутся быстрее, ибо они выглядели не слишком поворотливыми, излишне грузными. Но вепс не успел исполнить задуманного. За их спинами зашумели кусты, из которых вышли еще двое. Их окружили.

– Так кто же вы такие? – вновь прогнусавил разбойник.

Первым ответил Павел, набравшись невесть откуда нахлынувшей храбрости:

– Мы путники, а вы кто такие и что вам надо на моей земле?

Юски не успел одернуть главу рода – слова были сказаны, и главарь понял их.

– На твоей земле? – переспросил гнусавый.

Павел расправил плечи, вытянул шею и, не обращая внимания на одергивания Юски, гордо изрек:

– Да! Это моя земля! Земля медвежьего рода! – он даже не отдавал себе отчет, что говорит по-словенски.

– О как!

Разбойник в зеленом плаще, сделал несколько шагов навстречу. Остальные тоже подались вперед, но остались чуть позади.

– Вот ведь встреча, – продолжил гнусавый, – так, значит, ты Баар?

Павел едва заметно кивнул головой.

– Вот это нам повезло, – ухмыльнулся гнусавый.

Он подошел почти вплотную к вепсам. Павел осторожно взглянул в лицо говорившему. Что-то подсказывало ему, что этот гнусавый в зеленом плаще и есть главарь разбойников. В памяти всплыли картинки, так часто мелькавшие на телевизионных каналах: бородатые дядьки в камуфляже с автоматами наперевес, и голос... Голос за кадром: «это предводитель незаконных вооруженных бандформирований, известный под кличкой...»

– Ну а я Бокул, – он вновь ухмыльнулся. – Людишки Шибайлой² кличут. Разве не слышали?

Запах гнилых зубов и еще какой-то гадости ударил Павлу в нос.

– Ну что ты жрешь?.. – еле слышно буркнул Павел, зажал нос и отвернулся.

– Так вы что, про Бокула Шибайло не слышали? – гнусавый обвел взглядом своих поделльников и в голос заржал.

Дружки поддержали главаря дружным басистым хохотом.

– Они не слышали... Ха-ха-ха.

– Ишь ты, чувахлай³ какой!

– Ха-ха-ха...

– Га-га-га...

Юски протиснулся между Бокулом и Павлом.

– Слыхат-то мы слыхивали про тебя и головников⁴ твоих, – смело начал вепс, – но только рассказывают, что ты, промышляя у Новгорода, крепко насолил тамошнему боярину.

– А, значит, слышали-таки, – обрадовался Шибайло своей громкой славе, что дошла и в эту, забытую богами, глушь.

– И еще ведаем, как ты едва пяты свои едва унес от железа каленого, коими боярин тот попотчевать тебя обещался. Посему вижу, утек ты от боярской руки. Чай, поди, и порты промоченные уже поменял!

Ни Павел, ни Юски не заметили, как гнусавый коротко взмахнул правой рукой. Кулак предводителя головников резко впился в грудь вепсу. Юски широко хватанул ртом воздух

² Шибайло – буйан, драчун.

³ Чувахлай – невежда, незнающий.

⁴ Головник – убийца, преступник.

и согнулся. Второй удар в челюсть отбросил его на Павла, и тот, успев подхватить товарища за подмышки, не дал ему упасть.

– Гляжу, много ты знаешь, чудин, – левый глаз главаря задергался пуще прежнего, – смотри, язык твой можно и укоротить.

Павел приподнял вепа и шепнул на ухо:

– Обожди... Не шуми...

– Ладно, хватит лясы точить. А ну-ка броднички,⁵ вяжите этих бздыхов,⁶ – обратился Шибайло к своим дружкам, – да покрепче вяжите.

Бродники вмиг скрутили обоих, накрепко связав руки за спиной веревками.

– Вы теперь мои яшники,⁷ – твердо заявил главный бродник, глядя прямо в глаза Павлу, – так что не балуйте, а там уже решим, что с вами делать.

⁵ Бродники – вольные разбойники, от слова бродить – искать добычи.

⁶ Бздых – вонючий зверек, хорек, здесь как ругательство.

⁷ Яшник – пленник.

Глава вторая Бродники

*Я по лесам-полям гуляю,
Купчишков крепко я пугаю.
Ну бродник я, что вам за дело?
Коли меня так жисть заела!
Песня бродников*

Идти со связанными за спиной руками было неудобно, да еще промокшая обувь из лисьей шкуры сбилась и мешала переставлять ноги. Павел старался удержаться и не упасть, все время спотыкался и запутывался в сползающих с ног кусках шкуры. Однако, видимо, бродники никуда особо не торопились, посему шли не спеша, давая яшнику возможность самому справляться с намокшей и ставшей неудобной обувью. Благо это мучение длилось недолго, и вскоре они вышли на елань,⁸ где стояли два больших вепских шалаша – тот самый рыбацкий летник, о котором говаривал Юски.

– Что, признал родимые места? – ехидно спросил яшников длинный, как жердь, бродник.

Те не ответили.

– Ростик, – обратился старшой к длинному, – води яшников к березе, да ноги им спутай!

Пока Ростик выполнял распоряжение Бокула, остальные бродники развели костер и принялись обжаривать на огне куски мяса.

– Сидите покудова, – буркнул Ростик и не преминул больно пнуть ногой Юски, – не юрите!⁹

Вскоре от костра распространился чудный запах поджаренного мяса, желудки пленников заурчали. У Павла сразу потекли слюнки, и ничто не могло заглушить проснувшийся голод, ни переживания, ни их новое, весьма печальное положение. Паша жадно сглотнул слюну и чуть не подавился.

– Блин, эх, – он чертыхнулся, – может, и нам дадут мяска пожевать, а то у меня еще с прошлой твоей утки, Юски, до сих пор свербит во чреве.

– И не надейся... Не дадут, тати криволапые.

Юски оказался прав, кормить их и не собирались. Они просидели до самого вечера в гордом одиночестве. Руки и ноги давно уже затекли, и оба они впали в притупленное состояние дремоты. Про голод и жажду пришлось позабыть, теперь хотелось только одного: избавиться от пут, встать и размяться.

Когда стало смеркаться, к ним подошел Бокул и еще один разбойник с темной жидкой бородой и огромными черными усищами. И имечко у него было подходящее.

– Черноус, – обратился к нему главарь, – неси-ка тюльку.

Черноус принес от костра увесистое полено и поставил напротив пленников. Бокул водрузил на тюльку свой бандитский зад и упер руки в колени.

– Ну что, Баар, – начал он, – надо бы покалякать о твоём откупе.

Павел дернул ногами.

– Сначала развяжи, – потребовал он, – иначе сговору не будет.

Главарь склонил голову набок, с хищным прищуром оглядел обоих яшников.

– Черноус, развяжи обоих, – распорядился он, хитро подмигнув своему подельнику.

⁸ Елань – обширная лесная поляна.

⁹ Юрить – суетиться.

Головник с тараканьими усами освободил пленников от веревки и, достав из-за пояса топор, встал позади главаря.

– Можете встать, – дозволил Бокул, – только не юлите. Черноус у нас славно орудует топором, тюк – и утащат вас ляди¹⁰ под коряву колоду.

Черноус усмехнулся, – мол, главарь у нас знатный шутник!

Пленники едва поднялись на ноги, встали и принялись переминаться с ноги на ногу, одновременно потирая руки, чтобы разогнать застоявшуюся кровь.

– Не будем долго кружить, – начал Бокул, – какого добра твои людишки за твой выкуп собрать могут?

– А что ты сам-то хочешь? – вопросом на вопрос ответил Павел, решив проверить главаря на жадность.

– Серебро есть?

«Все они одинаковы, – подумал глава медвежьего рода, – с серебром-то оно, конечно, легче бегать...»

– Нет, – твердо отвечал Павел, – откуда же ему взяться-то?

– Ой, не юли, Баар, не надо...

С этими словами предводитель разбойников порывисто вскочил и оказался лицом к лицу с Павлом. Он коротко глянул в глаза яшнику и двумя руками рванул рубаху на его груди, да так быстро, что Павел не успел среагировать. В следующий миг волосатая рука главаря сорвала с шеи главы медвежьего рода кожаный шнурок.

– Не тронь! – успел прорычать Павел, но удар топором под дых заставил его успокоиться.

Юски подставил плечо и поддержал Павла, не дав ему упасть.

– Не балуй! – грозно изрек Черноус.

Бокул сел на прежнее место, поднял над головой сорванный шнурок, и висящий на нем амулет оказался на уровне его глаз. Желтый металл тускло блеснул в свете близкого костра.

– Блядишь,¹¹ Баар, ой блядишь. Это же золото!

При этом волшебном, просто магическом для каждого разбойника слове «золото» встрепенулись все члены банды, рассеявшейся у костра. Они разом повернули голову к главарю, пытаясь разглядеть амулет в его руках. Однако подойти не решились. Больше других, естественно, повезло Черноусу. Он стоял близко и мог воочию разглядеть золотую петлю, помещенную в круг.

– А брехал, что и серебра нету, – подал голос Черноус, отрывая взгляд от амулета.

– Вон, чуешь, как мои куманьки в растрой пришли, – Бокул кивнул через плечо на своих дружков, – не ровен час сами тебя спытать начнут, а они у меня ух, – вокак аж присвистнул, – мастера до пытошного дела!

Шибайло положил амулет на ладонь, медленно скрутил кожаный шнурок и демонстративно спрятал золото за пазуху.

– Ну, рассказывай про злато, серебро или, может, тебе сразу пятки огнем пощекотать?!

Пыточная перспектива никак не могла радовать главу медвежьего рода, и мозги Павла лихорадочно заработали: «Скажу, что нету у меня ничего больше – не поверят, скажу, что есть – а где взять? Надо выиграть время. Эх, Вадя что-нибудь бы придумал. А что бы он придумал?»

– Есть у меня в Каргийоки серебро, а вот золота больше нет, – решил он на отчаянный шаг, – золота нет, хочь запытай меня.

– Та-а-к, – медленно протянул главарь, – так, значит, маешь серебришко.

¹⁰ Лядь – злой дух.

¹¹ Блядишь – врешь, изворачиваешься.

– Маю, – заверил глава вепсского рода, – отпусти моего человека и он принесет тебе через три дня серебро.

Бокул снял шапку, задумался. Он медленно развязал кожаный шнурок, что перехватывал его бороду, затем, почесав у виска, изрек:

– Черноус, вяжи-ка их сызнава. Утро вечера мудренее...

* * *

Под утро Павел озяб окончательно и проснулся. Рядом, подогнув колени, безмятежно спал Юски. Павел поерзал немного, стараясь устроиться поудобнее. Ему удалось приподняться и опереться о ствол березы. Он проморгался, отгоняя остатки сна, осмотрелся. Банда уже не спала и в полном составе сидела вокруг едва тлеющего костра. Всеобщим вниманием завладел Шибайло, он что-то тихо нашептывал своим друзьям, что-то втолковывал. Как Павел ни напрягал слух, разобрать ничего не смог. А хотелось очень. Чертовски хотелось знать, о чем же они там сговариваются. Решил было разбудить вепса, у того охотничий слух, может, чего бы и разобрал. Но передумал – будить не стал. «Ладно, – подумал Павел, – пусть шепчутся». Главное, что моего плана это нарушить не должно. Кто тут, елы-палы, кроме меня еще институты заканчивал?!»

Юски издал тревожный храп, дернулся и проснулся.

– Проклятые веревки, – выругался он спросонья по-вепски.

Шевеление пленников тут же привлекло внимание всей банды. Бокул Шибайло прервал свою речь, встал и направился к березе, около которой ночевали яшники. Следом за ним последовали его верные псы – Ростик и Черноус.

– Ну вот, выспались и добро, – как-то по-особенному ласково начал главарь разбойников.

Вчерашнее седалище – полено – стояло на том же месте, Бокул сел.

– Сейчас ты отправишь своего человека к своим, – продолжил старший бродник. – Он принесет нам выкуп, и смотри, – Бокул погрозил увесистым кулаком, – если надумаете баловать, ты не жилец!

Предводитель кивнул головой, и Черноус быстро освободил Юски от пут. Бандит обхватил вепса за плечи и, резко рванув, поставил на ноги. Вепс покачнулся, ноги затекли и не слушались. Он начал медленно переминаясь, пританцовывать на месте.

– Разомнешь уды¹² в дороге, – усмехнулся Бокул, – ступай и помни: у тебя всего три дня!

Юски повернул голову и глянул на главу рода. Павел несколько секунд смотрел прямо в глаза вепсу, затем едва заметно кивнул головой.

– Ступай, Юски, я буду тебя ждать.

Вепс медленно обошел главаря «джентльменов удачи», восседавшего на тюльке, прошел мимо костровища, вокруг которого сидели остальные члены банды, миновал крайний шалаш и направился в сторону ближайших кустов. Юски нырнул в густые заросли кустарника, пробрался сквозь них и оказался на краю знакомого ему елового леса. Он остановился, прислушиваясь, как кровь разгонялась по венам, возвращая уверенность в ногах. Юски обернулся в сторону покинутого лагеря бандитов.

– Жди, Баар, жди, я скоро, – пробормотал он себе под нос, затем резко повернулся и, потихоньку ускоряясь, перешел на бег.

¹² Уды – конечности.

* * *

Больше всего Павла расстраивала потеря золотого амулета. Он искренне верил, что в этом знаке бесконечности заключена большая сила. И что особенно важно, этот амулет, возможно, таил в себе обратный билет домой, как говорила Елена Константиновна. Домой – обратно в шумный и бурлящий двадцать первый век, ведь там остались мама и Настенька...

Павел тяжело вздохнул. Он считал, что уже достаточно «наприключался» в этом мире, где все только и думают, кого бы убить и чем бы поживиться. Надоело. Эти мысли его даже немного разгневали или расстроили. Ему казалось, что все как-то неуклюже вышло. Сначала они потеряли Андрея-Сигурда, а вот теперь еще и Вадим...

Добраться бы хотя бы до Каргийоки, залечь в постель, отдохнуть и ни о чем не думать, пока не думать. Так ведь нет! Теперь эти бандитские рожи...

– Уууу, ненавижу, – процедил Павел сквозь зубы, наблюдая, как бродники суетятся у шалашей.

Они доставали оттуда какой-то скарб и раскладывали по мешкам. «Куда они собрались? Нет, они определенно куда-то собрались!» – подумал глава медвежьего рода.

А бродники действительно собирались. Павел немного успокоился и стал наблюдать за их сборами. Барахла бродники нажили в этой глуши немного, а посему сборы их прошли быстро. Когда несколько не очень объемистых мешков были увязаны, к Павлу подошел долговязый Ростик. Он присел около яшника и развязал веревки на ногах.

– Вставай, – приказал бродник.

– Куда? – с тревогой спросил глава медвежьего рода.

– Вставай, уходим.

– Эй, а как же мой выкуп? – запротестовал Павел. – Его же сюда принесут.

– Вставай, – грозно повторил Ростик и, не дожидаясь, когда пленник сам соизволит подняться, схватил Павла в охапку и, встряхнув, поставил на ноги.

Ростик шагнул за спину пленника и толкнул его между лопаток.

– Давай, шевели культиками!

Павел нехотя двинулся вперед. Бродник то и дело подгонял его толчками в спину.

– Что это за дела? – отважился спросить Павел, когда его дотолкали до главара. – Как же мой выкуп?

– Мы уходим, – гнусаво отрезал Бокул, – а об выкупе не беспокойся – постережем как надо.

Шибайло еще раз оглядел место стоянки, но ничего подозрительного не узрел, собрали все. Он удовлетворенно кивнул головой:

– Добро! Пошли.

Бокул поправил висевшую через левое плечо увесистую калиту¹³ и первым двинулся прочь от шалашей. Бродники взвалили собранные мешки на плечи и двинулись вслед за главарем.

Яшника пристроили в самом конце походной колонны. Впереди, указывая путь, двигался Бокул, за ним четверо бродников, потом Павел. Замыкал шествие Ростик, который зорко следил за каждым движением яшника. «Шаг вправо... шаг влево...» – с грустью подумал Павел. Он то и дело старался незаметно оглядываться по сторонам. Он надеялся хотя бы отчасти запомнить дорогу или определить направление движения, благо глаза ему не завязали. «Ага, поваленное дерево... большой муравейник... ага, камень... кривая береза», – примечал дорогу Павел. Но если с этим еще он как-то мог справиться, то вот угадать направ-

¹³ *Калита* – походная сумка из грубой ткани.

ление не получалось. Деревья кронами плотно закрывали небо, и в проблесках между ними было невозможно разглядеть солнце. Тогда Павел попытался понять, с какой стороны на деревьях растет мох. С севера? С востока? «Точно не с юга!» – убедил себя пленник и еще пуще расстроился. Проклятый мох рос на разных деревьях по-разному, а на некоторых обступал ствол со всех сторон.

– Тыфу ты, – сплюнул раздосадованный Павел.

– Иди, иди, – тут же ответил Ростик тычком в спину.

«Вот ведь, – продолжал рассуждать пленник, – и корочки хлеба у меня нет, чтобы путь назад пометить, эх...»

Бродники, ведомые Бокулом, шли гуськом строго друг за другом. Казалось, что главарь ведет их безо всякого четкого маршрута. Они часто сворачивали то вправо, то влево, преодолевали поваленные деревья, продирались сквозь кусты и дважды форсировали мелкие ручейки. Павлу даже показалось, что они несколько раз возвращались на прежнее место, Шибайло явно петлял, путал следы – в осторожности предводителю бродников отказать было трудно. Теперь Павел совершенно убедился, что его хотят подальше увести от возможной помощи. Угнать поглубже в лес и спрятать до поры до времени. Глава медвежьего рода корил себя, что недооценил Бокула Шибайлу, ох недооценил... И теперь его, Павла, хитроумный план практически провалился. В том, что Юски сделает все правильно, он не сомневался. Опытный вепс быстро добежит до Каргийоки, соберет людей, все им расскажет и приведет их на выручку, в том глава рода был крепко уверен. Но вот только его на летней стоянке вепсских рыбаей уже не будет. А это уже обман, и Бокул вряд ли обрадуется такому повороту событий, ведь обещал же ему Павел, что Юски вернется один с выкупом.

Бокул Шибайло, тертый калач, не раз попадавший в различные передраги, был уверен, что его попытаются обмануть. Он сам бы сделал точно так же. Зачем рисковать мощной,¹⁴ если можно все решить хитростью. Он по праву считал себя знатоком людских душонок, а они в последнее время, ох как стали портиться и изворачиваться. И не боги тому виной, а сами люди...

Главарь бродников, идя во главе колонны, прищуривал глаза, запоминая дорогу назад. Она еще пригодится. Его память четко цепляла малейшие приметы, чтобы потом, когда это понадобится, Бокул Шибайло не сплеховал!

Он был предельно сосредоточен, теперь от его опыта и осторожности зависел большой куш. И терять его Бокул не хотел. С ним остались пятеро его верных дружков, которые не бросили в трудную годину. А все почему? Да потому, что он был удачливым главарем, он всегда брал все, что задумал.

Жердеподобный Ростик, глуповатый, но не обделенный богами силой, редко задавал вопросы. Ему приказывали, он шел и делал. Ростик искренне верил, что Бокул ему как отец, а вся их ватага – его семья. Он уже давно и сам забыл, как попал в ватагу, помнил только то, что сам разыскал тогда еще полнолюдную компанию Бокула, пришел и попросился к бродникам.

Грубоватый и не очень словоохотливый Черноус был когда-то кузнецом в Новгороде, оттого его коренастая фигура и особенно пудовые кулаки пользовались большим авторитетом у бродников. Именно его часто отлучавшийся по своим делам Бокул оставлял на время вместо себя присматривать за ватагой и держать бродников в узде. Бражничать Черноус был не охотник и любому, кто по пьяни осмеливался преградить ему путь, он, не раздумывая, давал в ухо. Злые языки даже прозвище ему дали – Дайвухо! Но не прижилось. Двое самых крикливых получили в ухо и угомонились в Волхове, где-то повыше деревеньки Новца.

¹⁴ Мошна – сбережения, здесь казна.

Два родных брата-близнеца Славко и Славята по прозвищу Зайцы попали к Бокулу совсем недавно. Три лета тому назад Шибайло откупил их у новгородского боярина Жирослава. Добром откупил, по-честному. Братья наотрез отказались верить такому счастью, особенно после того, как Бокул объявил им, кто он есть на самом деле. Славко согласился идти в эту славную компанию почти сразу, а вот Славята заартачился. Но его упрямство быстро развеялось, когда бродники весело, со свистом, взяли сельцо того боярина, что держал братьев в закладе.¹⁵ Сельцо оказалось небедное, и ребята тогда поживились знатно. Кроме боярского добра, достались им и все местные девки, вот тут-то Славята и не устоял...

А с тех пор боярин Жирослав и затаил на Бокула и его ватагу злобу лютую. Вначале сам со своими людьми гонялся за разбойниками, а потом испросил у князя людей ратных для изловления головников и татей.¹⁶ Вот тогда-то и пришлось бродничкам ох как не сладко...

Почти вся ватага Бокула была из местных, новгородских словен. Но был у него и один низкорослый и почти весь седой полянин – Селян по прозвищу Кучма. Ни лютой зимой, ни жарким летом не расставался Селян со своей меховой вислоухой шапкой кучмой, за то и получил свое порекло.¹⁷ В баню хаживал Селян, знамо дело, без шапки. Плешивую голову его видели, и не раз, за нее злые языки его еще и Плешивым за глаза звали. Прибился полянин к бродникам Бокулы из другой ватаги, которую боярин Жирослав прижал к Волхову, да и почти всю ее загнал в воду каленым железом. Только Селян ухитрился вовремя нырнуть от боярских стрел да отплыть в сторонку и схорониться у прибрежных кустов. Почитай, один он из той ватаги и выжил. Селян Кучма был уже не молод, и ему все тяжелей было бродничать, но он упрямо шел за Бокулом в надежде взять последний куш и осесть где-нибудь в тихом месте. И баба у него уже была на примете, вдовица, что ждала его в Новце – он верил, что ждала...

Предводитель бродников вновь круто завернул влево. Пройдя несколько сотен метров, они вышли на небольшую полянку. Бокул остановился.

– Хорош! Пришли, тута стоять и будем, – объявил он и первым скинул на землю свою калиту.

Павла усадили на чей-то мешок и впервые за долгий переход дали напиток. Ростик запрокинул кожаную флягу, позволяя главе медвежьего рода утолить жажду, но тут же воскликнул:

– Хватит сосать, – и отдернул сосуд.

– И на том спасибо, – благодарно выдавил пленник с некоторым сарказмом.

– Ага, – буркнул недовольный бродник, встряхнув флягу и оценив, что воды осталось меньше половины, добавил: – Вот ведь водохлеб чудинский...

¹⁵ *Заклад* – форма долговой зависимости.

¹⁶ *Головник* – преступник, убийца; *тать* – ночной вор, убийца.

¹⁷ *Порекло* – прозвище.

Глава третья

Плохие вести

*Не плачь!
Сегодня умерли не все.
Хотя поплачь —
Мы потеряли многих...*

Юски, как и рассчитывал, добрался до Каргийоки почти к закату дня. Солнце начало заваливаться за горизонт, темнело. Стража у ворот признала его не сразу. И только когда Юски покрыл их всех отборным вепским матом, его пропустили вовнутрь. Грязный и изодранный, он вломился в ворота поселка, как лемби,¹⁸ вырвавшийся из цепких рук Юмала. Он едва добежал до колодца, перепугав детишек и баб. Женщины, выронив ведра, всплеснули руками и попятились. Гонец жадно опрокинул на себя ведро ключевой воды и окатился, на лету хватая ртом влагу. Ко второму, полупустому ведру он подошел уже спокойно, опустился на колени и принялся пить воду мелкими глотками. Затем он поднялся, тряхнул волосами, окатывая собравшихся веером брызг.

Утолив жажду, Юски устало огляделся. Бабы и детишки уже успокоились — признали-таки своего. Со всех сторон к колодцу уже спешили мужики, оставшиеся для защиты Каргийоки.

- Что случилось? Была ли битва?
- Где Баар?
- Где наши воины?
- Что там новгородцы?
- Да, а где Баар?!

Его засыпали вопросами, но Юски молчал, озираясь по сторонам. Он не хотел вот так с ходу огоршить земляков горькими вестями. Юски видел тревожные глаза женщин, он знал их всех, всех, чьи мужья, сыновья и братья ушли в этот последний для них поход. Он ждал нойду,¹⁹ сначала надо было доложить о случившемся ему. В отсутствие главы рода только нойда мог решить, что делать и как поступить. Люди, почуввав неладное, притихли. Какая-то молодуха взглянула в глаза Юски и завыла. Да так пронзительно, что несколько малышей в толпе завопили в ответ, а Юски отвел глаза. Ноги женщины подкосились, и она медленно, словно тряпичная кукла, осела наземь.

- О боги... — раздался за спиной Юски чей-то стон, — о боги...
 - Пустите, — устало попросил вепс, расталкивая собравшихся.
- Он уже заметил Капса, спешившего к колодцу.
- Люди, пустите, говорю, потом, все потом...

Юски пропустили, и он нетвердым шагом пошел навстречу жрецу. Еще издали Капс понял если не все, то многое.

- Не здесь! — твердо изрек он, когда они встретились. — не здесь, Юски!
- Вепс согласно кивнул головой.

— Пойдем, я провожу тебя до дома, хотя лучше было бы отвести тебя в Хиден,²⁰ — продолжил нойда вполголоса, — но, вижу, ты туда уже не дойдешь.

- Не дойду, мудрейший, не дойду.

¹⁸ Лемби — черт, нечисть.

¹⁹ Нойда — волхв вепсов.

²⁰ Хиден — священная роща вепсов, где проводятся священные ритуалы.

Капс величественно переложил посох в левую руку, а правой, придерживая Юски под локоть, увлек его по направлению к дому.

Кто-то из быстроногих мальчишек уже принес весть жене Юски, Айникке, и теперь она, выйдя за ворота дома, стояла и ждала. От сердца отлегло, когда она увидела Юски, идущего по улице под руку с нойдой. Она не хотела плакать, но слезы покатались из глаз сами собой при виде мужа в рваной и не по сезону одежде, да еще и босого. Его лицо осунулось, глаза впали... кажется, он поседел еще больше...

– Юски, – со всхлипом выдавила она из себя и кинулась ему на шею.

Хоть Нойде и не терпелось узнать о приключениях вепсской дружины, ушедшей во главе с Бааром на помощь новгородскому князю, но он все же отступил, дав бабе время на встречу.

– Юски, ты жив, – радовалась жена, обнимая мужа, – ты жив...

– Молчи, женщина, накаркаешь, – стараясь быть построже, ответил Юски, но потом сам не удержался и крепче прижал жену к груди, – Айникке...

Она всхлипнула последний раз и, спохватившись, осторожно отстранилась:

– Прости, мудрейший, что задерживаю, – с легким поклоном обратилась она к нойде, утирая слезы.

Капс ответил снисходительным поклоном, – мол, чего уж там, главное – мужа дождалась.

– Как дети? – спросил Юски, когда он, приобняв жену за плечи, входил во двор своего дома.

– Хвала Юмалу, здоровы, – улыбнувшись, ответила Айникке.

И как в подтверждение ее слов, двое мальчуганов двенадцати и десяти лет вылетели с огорода навстречу отцу. Они хотели было с разгону повиснуть на Юски, но, вовремя заметив грозно сдвинутые брови нойды, не решились. Дюже Капс не любил озорников. Дети умилили свой пыл и почти спокойно подошли к отцу у самого порога дома. Юски ласково улыбнулся и потрепал пацанов по светлым волосам.

В дом вошли только Юски, его жена и нойда. Айникке быстро поставила на стол брусничный квас, хлеб и небольшой кусок вареного мяса и поспешила выйти. Как ни хотелось Капсу начать разговор, он, памятуя о нелегкой для Юски дороге, дал воину утолить голод и жажду. Да и сам вепс прекрасно понимал, что с голодухи лучше сразу на еду не налегать.

– Вижу, что дела у князя новгородского плохи, – начал нойда, пристально посмотрев в глаза Юски, когда тот отставил пустую кружку, – насколько плохие известия принес ты в Каргийоки?

Юски, ничего не утаивая и не скрывая, поведал нойде всю правду. О том, что они проиграли битву, что, вероятно, погиб Вадим и, кажется, воевода Радей, и что о судьбе новгородского князя ему ничего неизвестно. Нойда тяжело вздохнул, узнав, что из похода никто в Каргийоки не вернется, а это значило, что медвежий род потерял почти всех мужчин. Десятки семей остались без кормильцев, десятки вдов и сирот... Их род понес большие потери, но это была еще не последняя плохая новость.

Рассказал Юски и про то, как они вдвоем с Бааром пробирались в Каргийоки, и что их полонили невесть откуда взявшиеся бродники во главе с самим Бокулом Шибайлом.

– Шибайло? – не поверил Капс. – Откуда он в наших краях?

– Не знаю, – пожал плечами Юски, – наверное, подался сюда от гнева того боярина, что покланялся его извести.

– Да, да, – в раздумьях пробормотал нойда, – значит, этот Бокул требует выкуп за Баара?

– Он ждет, что я принесу его через три дня, считая от сегодняшнего утра.

– Так-так... – тонкие пальцы Капса забарабанили по столу. – И что же вы придумали с Бааром?

– Надо сделать так...

* * *

В ту ночь Юски лег спать усталым до крайности. Уснул он сразу и крепко, да так, что и не услышал, как Айникке легла рядом с ним. Она прижалась к его бородатой щеке и нашептывала ласковые слова, но муж лишь что-то несвязно бурчал во сне...

Юски спал долго, почти до рассвета. Не успели еще каргийокские петухи прочистить глотки, как он открыл глаза. Под самое утро ему приснился Баар с тревожным взглядом. Он что-то говорил ему, звал... скорей, скорей! Юски высвободился из объятий жены и осторожно встал...

Дабы не полошить Каргийоки, нойда приказал всем, кого отберет Юски для этого дела, собраться в Хидене. После того, как вепсы отбили нападение ярла Гутрума и собрали на погибель дружину в помощь новгородскому князю, мужиков в Каргийоки осталось по пальцам пересчитать. Оттого Юски подбирал людей для вызволения из полона Баара очень тщательно. Выбрал он двоих опытных охотников, что ловко сбивали стрелами белок с веток, да еще семерых молодых парней, не болтливых и с крепкими руками. Вдесятером они и направились в Хиден, в Священную рощу медвежьего рода, как и просил нойда. Почти на самой окраине поселка их нагнала Улла. Ее светло-русые волосы были растрепаны, поверх ночной рубахи был небрежно накинут плащ, который съехал с правого плеча и норовил совсем упасть.

– Юски! – позвала она издали. – Юски, обожди...

Вепсы остановились. Улла замедлила бег. Плащ все же соскользнул с ее плеча, и на следующем шаге она оступилась, запутавшись в нем.

– Юски, – еще раз позвала она, распутывая и вновь закидывая плащ на плечи.

Вепс сам пошел ей навстречу.

– Что тебе? – негромко спросил он.

– Баар... – она пыталась отдышаться, – что с ним? Он жив?

Юски плотно сжал зубы, прищурился и посмотрел в прозрачно-голубые глаза женщины. Улла глубоко вздохнула.

– Не томи, Юски, заклинаю, скажи правду, он жив? Здоров? Что с ним? – на одном дыхании произнесла она.

– Жив и здоров, – коротко отрезал Юски, – мы его вернем, я обещаю тебе, Улла, вернем.

Женщина, не отрывая взгляда от глаз Юски, слегка качнула головой, и ее руки потянулись к плечам. Она, словно под гипнозом, медленно приподняла плащ за углы и натянула на голову.

– А... ты вернешь Баара, да?

– Верну, обязательно, – подтвердил Юски.

Улла отступила на шаг назад, слегка согнувшись в поясе.

– Спасибо тебе...

Она повернулась к нему спиной и не спеша направилась к дому. Из ее глаз катились слезы...

Юски с минуту смотрел ей вслед, затем резко развернулся и махнул рукой. Отряд вепсов продолжил свой путь. Вскоре они добрались до Хидена. В Священной роще их уже ждали.

Нойда Капс ввел весь десяток вепсов под своды длинного дома, и они предстали перед идолом Юмала. На трепный камень вепсы положили нехитрые подношения своему великому покровителю – ягоды, грибы, зерно, мед...

Вепсы долго стояли перед идолом, в молчании склонив головы. Они молились, каждый как умел, а нойда, раскурив дымные смоляные лучины, принялся кружить вокруг них, нашептывая древние, одному ему понятные заклинания. Иногда нойда останавливался, вскидывал руки вверх и, потрясая посохом, выкрикивал:

– Мякки... калья... ранд нярк... суюри валга...

Вскоре Капс прекратил свое кружение. Он обошел вепсов, встал к ним спиной, лицом к идолу.

– Юмал! – воскликнул нойда. – Юмал, ты видишь пред собой детей твоих. Они страдают, о повелитель грозы. Помоги нам вернуть нашего Баара, помоги вырвать его из когтей врага. Порази врагов наших огненной молнией! Пусть твои стрелы проткнут их лживые сердца!

Нойда сделал шаг вперед, твердо поставил посох на землю и опустился на одно колено.

– Юмал, – чуть спокойнее произнес он, – прошу, заклинаю тебя... кумитан порья, леми-стас интес, калья сурри, инее пях...

Тихий выдох облегчения пронесся по рядам вепсов.

– Озамадоохет! – выкрикнул нойда, да так громко, что за стенами святилища испуганно вспорхнули птицы с веток и унеслись в глубь Хидена, оглашая округу тревожным щебетом.

– Озамадоохет, – спокойно повторил нойда, и Юски видел, как тяжело упала его голова на грудь.

После обряда, когда Капс настоял, что всем надлежит ночевать в святилище, Юски распорядился провести последние приготовления к выступлению. Решено было выступить до рассвета. Вепсы, выйдя из святилища, разместились у большого костра и принялись проверять, чистить и точить оружие. Лучники заботливо осмотрели луки, нет ли трещин. Проверили тетивы, основную и обязательно запасную. Каждая стрела прошла придирчивый осмотр, боевой наконечник, оперенье, древко...

Нойда задержал Юски у себя в святилище до вечера. Капс наставлял, советовал, просил.

– Главное, Юски, – вкрадчиво говорил нойда, – это вернуть Баара, в нем надежда нашего рода – так считают наши старейшины. Вы можете не вернуться, – Капс понизил голос, – но Баар вернуться должен.

На следующее утро, едва первые проблески света пробились сквозь мглу, Юски увел свой маленький отряд на ответственное задание. Шли споро. Юски постоянно подгонял земляков, торопил. Ни столько от физического напряжения, сколько от засевавшей мысли о Бааре, в висках покалывало. Последняя фраза нойды Капса так и крутилась в голове Юски: «Вы можете не вернуться, но Баар вернуться должен». Юски обернулся на ходу. Молодежь поспевала за ним, а вот старые охотники заметно отстали. Пришлось остановиться и подождать. «Баар должен вернуться... в нем надежда нашего рода», – в сотый раз молоток забивал гвоздик в мозг Юски.

Они еще несколько раз останавливались, чтобы старики могли перевести дух. Забавные они – Пэлла и Куски, два соседа, два друга. Сколько Юски себя помнил, они всегда ходили вместе и на охоту, и на рыбалку. Они и женились в один день, да и сыновья родились у них почитай друг за другом, в несколько дней. И на стене Каргийоки стояли рядом, когда ярл Гутрум вознамерился покорить медвежий род. Юски видел, как справно Пэлла и Куски всаживали стрелы в северян и как уgomонили самого ярого воина, что ловко метал топоры. А еще Юски всегда забавляло, как эти старики ссорятся. Со стороны могло показаться, что они в пылу ссоры вот-вот кинутся друг на друга с кулаками, но те, кто их хорошо знал, уверяли, что такого за ними никогда не водилось. Они бранились как-то по-особенному, незло...

Прервав воспоминания, Юски неожиданно остановился. Все замерли вместе с ним. Вепс огляделся, внимательно осмотрел узкую лесную прогалину, на которую вышел их отряд. Он посмотрел на верхушки деревьев. Солнце уже перевалило верхнюю точку и теперь неуклонно стремилось спрятаться от людей за горизонт.

– За теми березами должен быть ручей, а там уже и наш летник, – тихо сказал Юски, указывая рукой вперед.

– Да, да, – закивал головой Пэлла, – я узнаю эти места...

– Ты что, старый лесовичок, – перебил его Куски, – из ума, что ли, выжил? Узнает он эти места! Ты когда тут был в последний раз, пень трухлявый?

– Сам ты пень трухлявый! – огрызнулся Пэлла. – А был я тут, – он почесал за ухом, – как раз после похорон бабки Руиньи.

– Ну ты и вспомнил, огородник косоглазый. Бабка-то Руинья померла, как только, вон, у Юски старшенький родился.

– Да ну, – не поверил Пэлла.

– Вот тебе и ну. Когда у тебя, Юски, старшенький-то вылупился? – хитро подмигивая, спросил Куски.

– Так уже, считай, почти тринадцать лет ему, – ответил Юски и про себя поразился, как эти почтенные отцы, идя на такое серьезное дело, остаются невозмутимыми, да еще и шуточки шутят.

– Да нуууу, – искренне поразился Пэлла, – не может того стать...

– Ага, – ответил Куски, – ни хрена ты не помнишь, колода старая, посему молчи и не путай людей. Веди, сынок, показывай, – последние слова он адресовал Юски.

Как и говорил Юски, за березовой рощицей оказался ручей. Водная преграда была крохотной, и ее преодолели без хлопот. Сразу за ручейком начинались густые заросли дикой малины.

– Отсюда их удобнее всего обойти, – шепотом сказал Юски.

Он знаками разделил группу на пары, и вепсы стали окружать поляну, на которой должны были находиться бродники и плененный глава рода.

Юски дал всем парам достаточно времени, а затем громко каркнул. Со всех сторон, в том числе и с дальней стороны, ему ответили засевшие в засаде лесные «вороны». Юски решил, что пора действовать. Он медленно двинулся сквозь малинник. Его острый слух уловил движение справа, это Куски тоже пошел вперед. Слева же должен был быть Пэлла. Когда за почти совсем облетевшей листвой показались рыбацкие шалаши, Юски застыл и осмотрел поляну. Ни бродников, ни Баара он не заметил. На секунду Юски замешкался и, сдвинув брови, призадумался. Он руками осторожно развел кусты малины – нет, на поляне никого не было. Юски набрал в грудь воздуха и трижды прокричал вороном. Прислушался. Ответа не последовало...

Глава четвертая

Вы можете не вернуться...

*Только трус не боится смерти,
Храбрый ее всегда опасается.
Древнеримская поговорка*

Юски прокричал вороном еще несколько раз, но условленного с Бааром ответа так и не дождался. Он обождал еще немного, после чего, уже не таясь, вышел на поляну к шалашам. Сомнений больше не осталось – на поляне никого не было. Юски подал сигнал, и весь десяток вепсов вышел из своих укрытий.

– Что-то не видать тута нашего Баара, – по-старчески прошамкал Куски.

– Да уж, – вслед за ним протянул Пэлла.

Юски заглянул во все три шалаша – пусто.

– Не может быть, – пробубнил он себе под нос, – не может быть.

– Здорово ты вороном кричишь!

Вепсы обернулись на голос. Перед ними стоял Селян Кучма.

– Говорили же тебе, не балуй, – твякнул Селян из-под своей шапки, – пошто ватагу с собой привел? Где серебро, обещанное за вашего Баара?

Юски от злости сжал рукоять ножа, висевшего на поясе, и Кучма, заметив это, в опаске отступил на шаг назад. Он глянул на дерево, из-за которого только что вышел, в надежде тут же спрятаться за его стволом в случае чего.

– Ну-ну, не балуй, – вытянув указательный палец правой руки, пригрозил Селян, – а то не видать вам вашего Баара.

Юски не без труда совладал с собой.

– Да мы и не балуем. Вот выкуп принесли, а вас и нету.

– Бокул что тебе велел? Одному приходить. А ты вон народу с собой привел, да еще оборужены. Не иначе лихое задумали.

Юски приметил, как бродник косится на них. «Не ровен час, еще сбежит», – подумал вепс и убрал руку с рукояти ножа.

– Да принесли мы оговоренный выкуп, – продолжил вслух Юски ровным голосом, – а что народу с собой оборуженного привел, так тоже для оберегу. Мало ли кто по лесам шатается, а мне старейшины строго-настрого приказали выкуп доставить и Баара домой забрать.

При упоминании об обещанном серебре глаза Кучмы блеснули.

– Принес, так показывай, – смело изрек бродник.

Юски сделал несколько осторожных шагов вперед и подумал: «Только бы не вспугнуть», а вслух произнес:

– Щас покажу.

Он, насколько это было возможно, приблизился к броднику, остановился и полез под меховую жилетку.

– Гляди.

Он извлек небольшой кожаный мешочек, встряхнул на руке. В мешочке что-то звякнуло. Селян, услышав знакомый звон, аж расплылся в довольной улыбке.

– На-ка! Держи! – крикнул ему Юски.

Мешочек, ловко пущенный вепсом, полетел прямо в лицо Кучме. Бродник ловко изловил гостинец, но тут же был сбит с ног подлетевшим Юски. Тот приложил бродника кулаком

в ухо, так, что слетела шапка, а затем крепко прижал к земле. Тут же подоспели еще два вепса и помогли Юски управиться с пленником. Селяну живо скрутили веревкой руки за спиной.

– Ну, говори, плешивый, куда вы дели Баара? – Юски хорошенько встряхнул старого бродника. – говори!

– Бокул убьет меня и вас, и вашего Баара, – проскулил Кучма, – он всех убьет...

– Замолчи, пес облезлый, – гаркнул на него Юски и в сердцах еще раз тряхнул разбойника.

Юски не заметил, как к нему со спины тихо подкрались два старых охотника из его отряда. Куски положил ему руку на плечо:

– Так ты затрахнешь его до смерти, – спокойно заметил старик, – дай-ка мы с ним поговорим.

– Да, давай мы с ним поговорим по-свойски, – поддержал друга Пэлла, специально усилив слово «мы».

Юски внимательно посмотрел на стариков. Пэлла загадочно подмигнул, мол, не сомневайся – управимся. Юски уступил без слов.

Старики попросили своих сородичей отойти в сторонку, и, когда вепсы подались назад, Куски и Пэлла принялись за бродника...

* * *

Никто из вепсов не слышал, о чем говорили старые охотники с плешивым Селяном, но через некоторое время Кучма изъявил-таки желание оказать посильную помощь. Вот только незадача – указать дорогу к новому лагерю бродников, где скрывали Баара, он не мог. Шибайло с половины дороги воротил его назад к шалашам, приказав накрепко запомнить место их будущей встречи около большой расщепленной сосны, возле которой еще росли две прямоствольные рябины. Возле тех рябин они и расстались.

– Вот лядь вертихвостая! – выругался Пэлла, закончив доклад.

Юски недоверчиво глянул на пленника, потом на стариков.

– Ну и что будем делать?

– Надоть идти к тому месту, да как следует обложить, – предложил Куски, – возвратится их... как его, лемби задери... тьфу ты...

– Шибайло, – подсказал Пэлла.

– Во-во, Шибайло ихний, за выкупом все едино вернется.

– Может, оно и так, – в раздумьях произнес Юски, – нам бы только этого Шибайло повязать.

– Повяжем, а то как же, – в один голос поддержали его Куски и Пэлла.

– На том и порешим, – после короткой паузы решил Юски, – а ну, парни, ставьте плешивого на ноги, пускай показывает место.

Двое молодых вепсов подскочили к пленнику и поставили его на ноги.

– Веди, плешивый, но смотри, коли сблядишь, тебе первому и конец! – строго распорядился Юски.

Он отправил двоих воинов, строго наказав им двигаться скрытно и поглядеть, что там впереди. После короткого перестроения весь отряд двинулся в глубь леса. Впереди, со связанными за спиной руками семенил Селян Кучма. Его за локотки настойчиво придерживали двое вепсов. Позади шествовали старики Куски и Пэлла, рядом с ними держался Юски. Еще трое вепсов, образовав арьергард, зорко следили за тылами...

Немного подотстав, Юски спросил у Пэллы, указывая на идущего впереди пленного бродника:

– А чего это вы там ему наплели, что он так быстро согласился нам пособлять?

– Да пустое это, – отмахнулся старик.

– Ну, дядька Пэлла...

Очень уж любил старый охотник, когда его называли не дед, а дядька. Лесть Юски сразу же достигла цели.

– Так мы с Куски сказали ему, что ежели он будет брыкаться, то мы ему ятребу его и отрежем, сварим и заставим сожрать, – с улыбкой ответил Пэлла.

– Ну, вы, дядька, даете...

– А что тут с ним хороводы кружить, – вновь улыбнулся старик, – был бы навроде моего борова...

Идти им оказалось не так далеко, как предполагал Юски. Солнце еще не окончательно спряталось от мира, когда посланные вперед разведчики доложили ему, что они нашли расщепленную сосну с растущими поблизости рябинами.

– Ну, значит, не обманул-таки плешивый, – подытожил Юски, – будем обкладывать...

Юски распорядился обойти назначенное для встречи место и взять в кольцо. Вепские воины исполнили приказ. Сам же Юски вместе с Куски и Пэллой остались охранять плененного бродника. Все затаились и стали терпеливо ждать.

– Так когда, говоришь, должен прийти Шибайло? – переспросил Юски.

– Вот как Ярило²¹ спрячет свой огненный щит, тогда и ждите, – ответил Кучма, с опаской поглядывая на вепсов. – До полуночи обещался прийти...

– Подождем, – по-старчески причмокивая губами, подвел итог Куски.

* * *

Солнце докатилось до последней черты и сгнуло. Сумерки сменились непроглядной осенней ночью, и небо заволокли тяжелые тучи, готовые в любую минуту разрешиться от бремени тоннами воды. Поднялся уверенный ветер, безжалостно срывая с деревьев последнюю листву. Подхваченные порывами ветра листья причудливо кружились и разлетались по лесу, а затем устало опускались на землю. В воздухе запахло дождем. Бокул Шибайло посмотрел вверх, и его левый глаз нервно заморгал. «Луны нынче будет не видать – хорошо», – подумал он и, осторожно ступая, начал обходить кряжистую березу. Не успел главарь бродников еще закончить свой маневр, как тучи распахнули свои врата, и на землю полетели первые капли дождя. Где-то испуганно ухнула сова. Несколько крупных капель упали на Бокула, он невольно вжал голову в плечи. Всего через несколько минут стихия вошла в полную силу и залила лес потоками хлесткого ливня. Небесная вода хлестала ветки и стволы деревьев, вся лесная живность затаилась. Бокул заметил вблизи большую ель и поспешил укрыться под ее раскидистой кроной. Дождь усилился. Ветви спасительной ели быстро намокли и склонились вниз. Предводитель бродников поежился, его меховая накидка промокла и отяжелела. Влага проникала глубже, и кожаная рубаша Бокула стала увлажняться. Он потрянул головой, стряхивая с длинных волос воду, и на секунду вспомнил недавнюю потерю. Когда он осторожно передвигался впотьмах от дерева к дереву, предательская ветка сбила с его головы добротную, еще совсем не старую меховую шапку. «Жаль шапку...» – сокрушался Бокул, но в темноте искать не стал. Да и вепсы были совсем рядом, тут не до пустяков...

Шибайло видел, как его дружок Селян Кучма угодил в лапы к чудинам. Впрочем, это он предвидел. Уж больно хорошо Бокул знал людишек. Он был уверен, что чудины попытаются и своего Баара вызволить, и серебро при себе оставить. И он лично решил удостовериться в этом. Их яшник, глава медвежьего рода, под надежной охраной, находился сейчас далеко

²¹ Ярило – бог солнца в древнеславянской мифологии.

– в укромном месте. И хотя главарь бродников догадывался и ничему особо не удивлялся, но про себя решил твердо, что по возвращению в лагерь выдаст этому Баару «на пироги», чтобы впредь покладистей был. А как иначе? Строптивых учить надобно.

Дорогу к новому лагерю бродников Кучма не знал, а значит, чудинам оставалось только ждать, и это тоже предусмотрел Бокул. Отряд чудинов с плененным Селяном Кучмой шел не спеша, опытные охотники осторожничали, и все же они не заметили, что за ними следят. Шибайло крался параллельно с ними, ничем себя не выдавая. Он хотел удостовериться, туда ли их приведет Кучма. А Кучма привел куда надо.

И вот сейчас Бокул был даже рад, что тучи закрыли луну, и в лесу стало темно, как в подземном царстве. А дождь всегда надежно скрывает следы. Под шум ветра и дождя главарь бродников вышел из-под дерева, прислушался и уверенно зашагал прочь. Шибайло прошел несколько сотен метров, еще раз оглянулся и ускорил шаг, ему нужно было вернуться сюда еще до утра...

* * *

В эту памятную для Павла Николаевича Соколова ночь небеса извергали тонны дождя. Хотя по отчеству, а тем более по фамилии его тут никто не звал, да и не мог звать, ибо в этом, предположительно девятом веке, его как Павла Николаевича Соколова никто из смертных не знал. Ну, если не считать убиенного без времени Андрея-Сигурда и пропавшего без вести дружка Вадьки Хлопина. Теперь Павел все больше привыкал к своему новому имени – Баар, которое являлось передаваемым из поколения в поколение родовым именем медвежьего рода чудинов.

В эту безмерно дождливую ночь яшник бродников Баар сидел крепко связанный по рукам и ногам на мешке с какими-то тряпками. Сидел под низкими ветками молодой ольхи и думал про свое скорое избавление. Тревожило Баара только отсутствие Бокула Шибайлы. Тот еще поутру куда-то подевался, и Баара не покидала мысль, что этот гнусавый предводитель вооруженного бандформирования задумал что-то нехорошее. Павел совместно с Юски успел разработать дерзновенный план нападения на бродников и его, главы рода, освобождение. И когда Юски был отправлен Бокулом за выкупом, то сомнений в том, что все удастся, не было. Но план Баара не включал в себя смены дислокации, которую тут же после ухода Юски, предпринял хитрый Шибайло. Теперь план вепсов терпел очевидное поражение, а ведь как все казалось просто. Налетели бы лихие вепские охотники на разбойников да и перебили бы их стрелами. Баар признавался себе самому, что взял этот банально-простецкий план из киношных боевиков...

Дождь не унимался, напротив, изрешетил и намочил все в округе. В сырой одежде, почти в луже воды, Паше становилось все менее удобно и оттого все более тоскливо. Тревожила неопределенность. Но тут наконец он услышал шевеление среди бродников, а еще через минуту до него донесся знакомый гнусавый голос:

– Где этот бздых недоделанный? Щас я его приласкаю...

Баар невольно сжался в предчувствии, что вот оно началось – сейчас будут бить. И действительно, не теряя времени, Бокул вынырнул из темноты, весь мокрый, как водяной, и без слов залепил главе медвежьего рода до обидного звонкую оплеуху. Шибайло схватил его за грудки и рывком приподнял.

– Ты чего это удумал, чудинская твоя рожа, а?! – гневно прогнусавил он на самое ухо яшнику.

– Чего? – делая вид, что не понял, ответил Павел.

– Я тебя спрашиваю, рыбий хвост, – ты чего это удумал? Меня дурачить?! – Бокул отшвырнул от себя пленника.

Баар шлепнулся на мешок и больно ударился плечом о ствол ольхи.

– Ты мне тут не юри! – прикрикнул бродник. – Твои людишки явились целым десятком, да все при оружии!

Тати обступили пленника, у многих при этом известии недобро заскрежетали зубы и блеснули глаза. Они во главе с Бокулом нависали над Бааром, как черти в день страшного суда, все злые и мокрые.

– Пошто они явились при оружии, да еще такой оравой? – не унимался Бокул.

Его гнусавый, раздраженный голос так и лез несчастному парню в уши, так и буравил его перепонки.

– Пошто? Иль тебе живот²² твой не дорог?

«Все, приплыли, – подумалось Баару, – сейчас резать будут».

– Ты что, Бокул? – попытался оправдаться глава медвежьего рода. – какие люди? Не могли мои так поступить...

– Да брешет он, – вмешался в разговор жердеподобный Ростик, – сам науськал своих чудинов при оружии явиться...

– Башку за такое ему открутить, – с молодецким азартом вставил Славко Заяц.

Черноус злобно крикнул, но промолчал.

– Пошто они Кучму нашего повязали, а?! – левый глаз Бокула заморгал часто-часто.

– Да что вы привязались? – не утерпел Баар и слегка повысил голос. – Они выкуп принесли, ты спрашивал?

– А что их спрашивать, – пуще прежнего возмутился Шибайло, – знамо дело, ничего они не принесли, коли при оружии явились, да еще Кучму повязали, да и...

– Так, может, они при оружии пришли, чтобы выкуп сторожить, – перебил его Баар, – а повязали вашего Кучму оттого, что меня на месте не нашли...

Ему не дали договорить. Бокул был настолько зол, что не удержался и вклепил главе медвежьего рода прямо в глаз. От удара Баара откинуло назад и он, не имея возможности упереться руками, слетел со своего места, перекувырнулся и, уткнувшись лицом в мох, затих.

– Так ты его еще зашибешь ненароком, – сочувственно изрек Славята, – не за кого будет выкуп просить.

Раздраженный предводитель мотнул головой, стряхивая с волос воду.

– Ничего, впредь ему неповадно будет. Ростик, глянь-ко...

Пока Ростик поднимал яшника и проводил его в чувство, Черноус пробасил:

– Выкуп они могли и принести, надо бы проверить.

– Черноус дело говорит, – вновь подал голос Славко.

Бокул слегка наклонился и, зажав одну ноздрю большим пальцем, громко высморкался на землю.

– Дык кто же против... вот сейчас соберемся и пойдем...

Тем временем Ростик привел пленника в чувство.

– Покуда жив, – изрек он с высоты своего роста.

– Вот и хорошо. Айда собираться! – приказал Бокул и, плечами растолкав братьев Славко и Славяту, отошел в сторону.

– Так как же брать-то их будем? – бросил в спину главарю Славята. – коли их там целый десяток, да при оружии?

Шибайло обернулся.

– А ты чего – бздишь? Не бзди, у меня на этот случай есть верный план.

За их спинами громко, словно нарочно, с хрустом сломалась ветка. Да так громко, что бродники слышали это сквозь шум дождя. Почти одновременно все обернулись на звук.

²² Живот – жизнь.

– Дерьмо твой план, Бокул Шибайло! – раздался из темноты уверенный голос.

– Это кто это там тьякает? – гнусаво спросил главарь, и его рука потянулась к поясу за ножом.

– С тобой не тьякают, а разговаривают!

Незнакомец сделал несколько уверенных шагов вперед. На его крепких плечах висела короткая, порядком промокшая звериная шкура. Он заметил движения бродников, которые потянулись к оружию.

– А вот этого не надо, – спокойно произнес незнакомец, – я пришел не ссориться, я пришел купить у вас товар.

Ближе всего он подошел к Бокулу.

– Кто ты? – спросил главарь бродников.

– Не все ли тебе равно, – невозмутимо ответил незнакомец, – главное, что я заплачу за того, кого ты хочешь продать.

С этими словами незнакомец вскинул обе свои необычайно длинные руки.

– Вот, – изрек он, – этого хватит?

Перед самым носом Бокула Шибайло от взмаха колыхнулся воздух.

– Что это?

– Гривны.

Шибайло прищурился, и его левый глаз задергался при виде массивных шейных украшений, которые висели на ладонях незнакомца. Бокул жадно сглотнул.

– И за какой же товар нынче такие цены?

– Мне нужен твой яшник.

Павел уже успел прийти в себя после увесистого удара Шибайлы и теперь с интересом наблюдал и слушал. Что-то показалось ему знакомым в голосе этого незваного ночного гостя. Но что?

– Зачем он тебе? – спросил незнакомца Бокул. – да и за него уже приготовили выкуп его дружки.

– Его дружки приготовили тебе каленое железо. Тебе не терпится почувствовать на своей шкуре их стрелы?

– Ну, это еще неизвестно, кто кого будет угощать.

– Все уже известно, Бокул, – изрек незнакомец, продолжая держать гривны на вытянутых руках перед самым носом главаря бродников. – Бери гривны и отдай мне яшника.

Бродники одобрительно зашептались, – мол, предлагают, надо брать. Первым подал голос Славко Заяц:

– Бокул, и правда, давай бери гривны, эти чудины нас обманули...

– Не все ли равно, кто платит, – подал голос доселе молчавший Ростик.

Старший через плечо глянул на подельников, а затем резко обернулся к незнакомцу:

– Назови свое имя, и я отдам тебе яшника, – прогнусавил он.

– Порки, – коротко ответил ночной гость.

Только теперь Павел вспомнил этот голос и невольно поежился. Сомнений не было.

«Ну все, теперь точно канты, – обреченно подумал Павел, – эх, Юски, не успел ты...»

Глава пятая

Перед лицом Юмала

Не сотвори себе кумира...

После полуночи ветер поутих, а дождь практически перестал. Лишь редкие мелкие капли продолжали делать свое мокрое дело. Вместе с ветром перестал шуметь и лес. Ветви расщепленной сосны в последний раз натруженно скрипнули и притихли в ожидании. Порывы ветра спали, окончательно потеряв былую силу, и больше не беспокоили деревья и обитателей леса.

Юски долго наблюдал за пленным бродником. Кучма со связанными руками сидел рядом со старыми охотниками под сосной. Юски гадал, обманул их Селян Кучма или сказал правду. Хотя после угроз стариков мог со страху и наврать с три короба, но ведь мог и правду сказать. Вепсу хотелось верить, что бродник не солгал и Бокул Шибайло обязательно придет в означенное место. Должен же он был убедиться, как все прошло. «Должен прийти», – мысленно убеждал себя Юски. Ведь именно от этого зависела жизнь Баара.

Но полночь уже давно миновала, а предводителя бродников все не было. Юски стал заметно нервничать, ерзать. Окончательно потеряв терпение, он пододвинулся к Кучме. Тот спал или делал вид, что спит. Вепс толкнул его в плечо.

– Ну что, где твой Шибайло? – шепотом спросил он.

Бродник устало открыл глаза.

– А я почему знаю, – ответил он.

– Ууу, вражина, – протянул Юски, покачав кулаком перед носом бродника.

Юски позвал Куски и Пэллу.

– Кажется, Бокул не придет, – заявил им Юски, – уж не знаю, что там могло случиться, но, клянусь Юмалом, он не придет.

– М-да, – вздохнул Куски, – это плохо.

– Ну и ну, – поддакнул Пэлла.

– Да что тут вздыхать, – занервничал Юски, – надо что-то делать. Надо искать Баара.

Недолго думая, Юски собрал свой отряд и приказал немедленно выступать. Вперед были посланы два молодых зорких парня. Продвигались по лесу крайне осторожно, готовые в любую минуту встретить разбойников.

Шли довольно долго. Движение изрядно тормозил Кучма, который, по всей видимости, выбился из сил, стал часто спотыкаться и даже несколько раз чуть было не упал.

Дважды отряд вепсов замирал от близкого хруста в кустах. Воины мгновенно останавливались и натягивали луки. Но оба раза тревога оказалась ложной. Вначале они спугнули из кустов лисицу, а во второй раз молодой кабанчик, грозно хрюкнув, поспешил удалиться от людей.

– Тьфу ты, – сплюнул Пэлла и покачал головой, – кабы не дело...

– ...мяска бы поели, – закончил за него Куски.

По законам великого Юмала, небесный огонь уже начал озарять верхушки деревьев. Светало неспешно. Обильно политая за ночь земля стала отдавать накопленную влагу. Легкий туман окутал лес.

– Юски, – негромко позвал кто-то из вепсов.

– Ну что?

– Дозорные вернулись...

Только сейчас Юски разглядел говорившего. Тот вынырнул из тумана, ловко перепрыгнув через небольшой камень.

- Дозорные вернулись, – повторил молодой вепс, – нашли стоянку бродников.
- Ну? – в нетерпении Юски схватил парня за рукав.
- Пусто. Ушли.
- Веди скорее...

Через несколько сотен шагов весь отряд вепсов, опасливо оглядываясь, вышел на совсем крохотную лесную прогалину.

- Стойте! – резко возвысив голос, командовал Юски.

Вепсы замерли.

- Стойте, ни шагу! – он обернулся. – Куски, Пэлла, посмотрите следы.

Старики передали конвоируемого ими бродника молодым воинам, а сами двинулись на поиски. Они шли рядом, на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Согнувшись почти до самой земли, опытные охотники долго изучали в изобилии оставленные следы. Тонкая ольха возвышалась на прогалине, именно у ее подножия старые охотники обнаружили обрывки веревки и сильно примятую траву.

- Юски, – позвал Пэлла, – поди-ка сюда.

Когда Юски подошел к ним, Пэлла указал ему на следы у ольхи.

- Здесь был пленник, – начал старый охотник, – и еще пятеро мужчин...

- Ну, это мы знаем от Кучмы, – перебил Юски.

- Ты чего старших не слушаешь, – озлился Куски.

- Да не тяните вы, дядьки, – взмолился Юски, – говорите дело...

– Тебе и говорят, – продолжил Пэлла, – пятеро татей и наш Баар. Потом из леса пришел еще один...

- Ну?

- Тот один пришел с нашей стороны...

- Так что, он впереди нас шел? – тревожно спросил Юски.

- Выходит, что так, – ответил Куски.

- Ну?

- Да что ты все нукаешь, чай, поди, не запряг, – цыкнул Пэлла, – охолони.

Юски нервно сглотнул, переступил с ноги на ногу.

– Так вот, – продолжил Пэлла, – похоже, тот, что пришел с нашей стороны, ушел на север, и не один...

- А остальные пятеро ушли на запад, – закончил Куски.

- Кто же из них увел Баара?

- Баара увел тот один...

- Точно?

– Точно, задери меня лесовик,²³ – ответил Пэлла, – уж больно у него след тяжел на правую ногу.

- Ага, – поддакнул Куски, – прихрамывает он.

– А Баара точно он увел, – продолжил Пэлла. – У Баара обувь с ноги прохудилась, вот, глянь.

Пэлла нагнулся и тыкнул пальцем в след, где явственно были видны отпечатки пальцев ноги.

- Да-а-а, – протянул Юски, – с левой ноги сбилась, эх, плохо я закрепил.

– Ну, сейчас чего поминать, – вставил Куски, – сбилась обувь, то нам даже хорошо. След четкий. Сейчас проверим следы дальше, кажись, они не быстро пошли, догоним.

– Да-да, догоним, пошли, – командовал Юски, намереваясь двинуться в указанном охотниками направлении.

²³ Лесовик, лесной хозяин, лохматый – леший.

- А что же бродники? – почти разом спросили старики.
Юски зло махнул рукой.
– К лохматому их! Нам нужен Баар! Быстрее!

* * *

Куда они держали путь, глава Каргийоки не имел ни малейшего представления. Сделанная Юски обувь из шкуры лисицы сбилась, и теперь Павел пальцами ног ощущал мокрую землю и болезненные уколы острыми сучками.

Порки молча и остервенело тащил пленника на веревке. Уставший Павел часто спотыкался и падал. Его руки были по-прежнему связаны за спиной, и он не мог помочь себе при падении. Ушибленные колени и плечи ныли, а пуще того горело лицо от увесистого кулака Бокула. Правый глаз заплыл синяком, а встречные ветки так и норовили вцепиться именно в него. Хорошо еще хоть ветер утихомирился и прекратился дождь, однако скудная одежка главы рода промокла насквозь и холодила тело. Уснувший до поры желудок вдруг стал настойчиво требовать еды или хотя бы воды. Но ни того, ни другого ему не предложат, и Павел это знал наверняка. Мысли путались, запинаясь и падали в пустоту. На самом дне этой пустоты колотилась искренняя надежда – Юски!

Порки торопил что было сил. После каждого падения он награждал Павла пинком под зад или тычком в спину. Наконец пленнику это чертовски надоело. После очередного падения он не стал подниматься.

– Все, хватит, – заявил он, – я дальше не пойду! Хочешь, можешь прикончить меня прямо здесь.

– Вставай! – взревел Порки. – вставай, жабий потрох!

– Мне и тут хорошо.

– Торопись умереть? – зло спросил вепс. – не торопись, не здесь. Я все приготовил как надо...

Он склонился, чтобы силой поднять яшника. Павел мгновенно собрал весь запас слюны и смачно плюнул в лицо вепса.

– Да пошел ты...

В согнутом состоянии ему было трудно замахнуться как следует, и все же Порки ударил от души. Павла откинуло назад, и он почувствовал, что и левый глаз стал заплывать.

– Да пошел ты, – повторил Павел из последних сил.

Второй удар окончательно превратил глаза главы медвежьего рода в две узенькие полоски. Превозмогая боль, пленник попытался ударить обидчика ногами, но вепс уловил его движение и крепко саданул по коленной чашечке. Павел взвыл от боли.

– Заткни пасть! – рявкнул Порки и приложил пленника еще раз кулаком в ухо.

Туманное утро плотной пеленой накрыло сознание, наступила полная темнота. Павел больше ничего не видел и не слышал, он только чувствовал, что сердце его еще стучит, продолжая разгонять по венам жизнь.

Порки взвалил обмякшее тело пленника себе на плечи, выпрямился и продолжил намеренный путь.

* * *

Когда Баар пришел в себя, он сразу же попытался дернуться, но у него ничего не вышло. Он сидел с плотно опутанными ногами, а его руки были выкручены назад и связаны позади высокого пня. Собственной спиной он и ощущал этот пень. Сквозь болезненно узкие щелки глаз он увидел Порки, стоявшего на коленях перед кучей хвороста. Вепс пытался

запалить костер. Не сразу, но все же ему удалось извлечь искру из отсыревшего кресала. Огонь, едва живой, начал неохотно пожирать бересту. Затем он набрал силу, перекинулся на хворост и вскоре в ярком свете костра Павел смог осмотреть место своего пребывания. И увиденное его никак не обрадовало.

Холмик, незначительно возвышавшийся среди леса, имел около десяти метров в диаметре, а костер горел как раз посередине. Никакой растительности на холмике Павел не разглядел. Сразу за костром он узрел камень небольшого размера, а рядом с ним деревянного истукана. Пламя уже достаточно разгорелось, и глава рода смог хорошо разглядеть этого идола. Это был грозный Юмал, и в этом не было никаких сомнений. В Хидене он видел похожего, только сделанного более аккуратно и заботливо. У мастера, что вырезал этого Юмала, было слишком мало умения или ему не хватило времени и инструментов. В общем и целом идол казался незаконченным и от того выглядел как-то неказисто. Впрочем, Павлу было все равно. А вот то, что Порки стоял перед Юмалом на коленях и явно возносил хвалебные речи, вот это Павла насторожило. Порки говорил шепотом, и все же Павел сумел уловить часто повторяющиеся слова – прими жертву... прими жертву...

Глава медвежьего рода еще раз посмотрел на камень. Теперь он сумел увидеть, что на камне лежал предмет, похожий на нож. Вот только отблески пламени не отражались от него.

«Это что же, он меня решил тут и прирезать?» – с обреченной горестью подумал Павел. Между тем Порки закончил свои молитвы, встал и подошел к камню. Он что-то еще прошептал, а затем быстро взял с камня нож. Через пламя огня Порки посмотрел на пленника, ухмыльнулся и двинулся к Павлу вокруг костра.

– Юмал не принимает человеческих жертв, – смело изрек приемный сын Конди, когда Порки приблизился к нему.

– Заткни свою пасть, выродок! Твои уста не достойны произносить имя великого Юмала, – грозно рыкнул Порки. – Ты не человек! Ты не бепся! Ты враг, а наши прадеды убивали своих врагов перед лицом Юмала.

Он сделал шаг вперед, и Павел увидел занесенный над собой кремневый нож.

«Ой, мамочки», – сердце пленника екнуло и опустилось так, что желудок болезненно свело.

– Вот этим ножом наши предки лишали своих врагов жизни перед лицом великого Юмала!

Баар взглянул на нож. «Ритуальный ножичек, эх, пиши пропало...» – мелькнула темная обреченная мысль в светлой голове главы медвежьего рода.

– Тебе некому молиться, сын гадюки, да и незачем, поэтому я и не дам тебе больше времени, – с этими словами Порки вплотную приблизился к Павлу.

Он наклонился, отвел руку для замаха и ударил, целясь прямо в грудь пленнику. Тот испуганно зажмурил глаза. Он почти ощущал, как плохо отточенный кремневый нож входит в тело, рвет живые ткани, погружаясь все глубже в плоть. От этого безумного чувства он вздрогнул. Сердце бешено заколотилось, норовя взорваться раньше, чем ритуальный нож пронзит его бренное тело.

И тут, как в сказке, пропела спасительная стрела. Но, видимо, стрелок поторопился. Стрела лишь коснулась руки Порки, оставив неглубокую царапину. Вепс моментально обернулся и, увидев незваных гостей, резко рванул в сторону, тем самым избежав еще одной стрелы. Порки перепрыгнул через костер и оказался у идола. Он с яростно горящими глазами огляделся по сторонам, оценил обстановку и спиной прижался к Юмалу. Вепсы больше не стреляли, опасаясь попасть в бога. Порки согнулся в боевой стойке, ошетинился, выставив вперед руку с ножом.

– Ну, кто первый? Подходите! – злобно выплюнул Порки.

Его не сразу, но все же узнали.

– Порки? – искренне удивился Пэлла.

– Живой? – не менее удивленно спросил Куски.

Двое молодых вепсов, один с коротким копьем, другой с ножом, приблизились к Порки с двух сторон.

– Давайте, жабы огрызки, кто хочет взглянуть в глаза Юмалу?

Первым бросился воин с копьем, следом пошел в атаку и второй вепс. Порки мгновенно отклонился в сторону, и наконечник копья впился в идола. Порки чуть присел и ударил воина ножом в низ живота. Затем он провернул нож в ране и резко рванул его в сторону, вскрывая брюшную полость. Воин взвыл, подставив руки под вываливающиеся внутренности. Порки тут же выпрямился и принял второго нападающего. Молодой вепс очень далеко выкинул руку с оружием, и Порки воспользовался его оплошностью. Он свободной рукой ударил, перехватил кисть нападающего и рванул на себя. Парень потерял равновесие, качнулся вперед, а Порки подставил свой нож...

* * *

Павел не сразу поверил в это чудо. Ножа в сердце он так, к счастью, и не дождался. Спасение пришло, когда надежды у него уже не осталось. Такого не бывает!

Когда он открыл глаза, его ночной кошмар с ножом в руках уже стоял, прислонившись спиной к изваянию Юмала, и готовился отбиваться от врагов. Павел вновь зажмурился, открыл глаза, мотнул головой: так и есть – это не сон. Двое вепсов, обступив Порки, ринулись в атаку. Павлу хотелось крикнуть: «Вперед, ребята, ату его, ату». Но что-то душило его, в горле пересохло, и он смог выдавить из себя жалкое «агу ого»...

Юски первым оказался возле Павла, мгновенно перерезал веревки, и тут он услышал вопль раненого вепса. Юски обернулся и заметил, как парень шатающейся походкой отошел от идола Юмала, придерживая низ живота. Вот парень сделал еще несколько шагов, застыл и рухнул на колени. Еще секунда – и его руки разжались, выпуская на мокрую траву свои внутренности. Вепс упал.

– Живой? – тревожно спросил Юски, положив руку на плечо пленника.

– Кажется, да, – ответил Павел, – нормально... иди, помоги там...

Юски вскочил в тот миг, когда Порки пронзил второго воина. Нож точно пробил ему сердце, и он, подогнув колени, словно тряпичная кукла, сложился и упал почти без звука.

Пэлла и Куски одновременно вскинули луки и выстрелили. Одна стрела пробила Порки левое плечо, а вторая, скользя, разодрала ему правую щеку. Порки издал отчаянный рык и вновь прислонился к Юмалу.

– Будьте вы прокляты! – харкнув кровью, крикнул он навстречу еще двум летящим к цели стрелам...

Когда Юски перепрыгнул через костер, совсем рядом с ним мелькнули две стрелы и погрузились в плоть обреченного врага. На этот раз старики оказались куда более точны. Куски послал свою стрелу прямо в горло Порки, а Пэлла в грудь. Юски с разбегу подскочил к Порки, тот был еще жив. Его глаза шумно хлопали, словно крылья совы, изо рта пошла кровь. Порки хотел послать на головы вепсов очередное проклятие, но в его пробитом горле что-то зарокотало, и кровавый пузырь надул на его губах.

– На сей раз ты умрешь навсегда, – с этими словами Юски глубоко погрузил свой нож под ребра бывшему старосте Кангаша.

Порки харкнул кровью и, обмякнув, стал оседать. Юски вовремя подхватил падающего и отпихнул от идола. Безжизненное тело Порки кубарем покатилося по склону холма.

– Такие жертвы великому Юмалу не нужны, – произнес Юски, когда тело вломилось в кусты у подножия холма и там затихло.

Никто из вепсов не заметил, как пламя костра перекинулось на великого Юмала. Когда огонь охватил идола снизу доверху, всех присутствующих обуяли страх и оцепенение. А бог горел все жарче. Не прошло и минуты, когда ствол, на котором был вырезан верховный покровитель вепсов, вдруг накренился и рухнул. Охваченный пламенем кумир понесся вниз с холма, вслед за только что упавшим Порки. Вепсы, в том числе и Баар, наблюдали, как сухие кусты у подножия, став отменной пищей для бушующего пламени, превратились в огненный вихрь. Кусты горели быстро и с азартом, а еще через минуту вепсы зажали носы – снизу потянуло паленым мясом.

– Фу, – фыркнул Баар, когда и до него дошел тошнотворный запах, – не сотвори себе кумира...

Он плотно зажал нос и отвернулся.

Внезапно до всех донеслась громкая брань стариков.

– Слепой глухарь, – ругался Куски, – куда ты смотрел?

– А ты чего не устерег? – огрызнулся Пэлла.

Баар обернулся на шум.

– Что там еще? – спросил он у подошедшего Юски.

– Дядьки лаются, – ответил вепс, – бродника упустили в этой кутерьме – убег!

Юски наклонился, помог главе рода подняться.

– Да лешак с ним, – махнул рукой Баар, – вот амулет мой у Шибайлы остался, это действительно жаль.

Юски замер.

– Это худо, Баар, очень худо...

– Да сам знаю, – перебил его Павел. – А что делать? Конди говорил, что беречь его надо... а я, видишь как...

– У нас в роду про амулет легенда ходит, хоть его мало кто и видел. Старики рассказывают, что нойды запрещают главам родов показывать амулет людям...

– А что за легенда? – заинтересованно спросил Баар. – мне про то никто не говорил... Правда, Коди что-то такое упоминала...

– Пойдем давай, – предложил Юски, – это ты потом у нойды спросишь, он больше моего знает.

– Д-а-а-а, – огорченно протянул глава рода.

– Пойдем-пойдем, – поторопил вепс, – если будет на то воля богов, то сыщем твой амулет, обязательно сыщем.

Глава шестая

Долгожданный покой

В погоне за мечтою мы часто забываем о любви...

После трудного возвращения в Каргийоки наследник Конди, намытый в бане и обильно смазанный барсучьим жиром, проспал остаток дня и всю ночь. Проснувшись, Баар почувствовал себя отдохнувшим, боль от синяков и ссадин на теле поутихла. В общем, было чертовски радостно, хотелось жить и срочно чего-нибудь съесть. Он открыл глаза, сладко потянулся...

– Доброе утро, – приветствовал его женский голос.

Баар резко обернулся и стыдливо потянул одеяло на себя.

– Ах, Улла, это ты...

И тут глава рода окончательно проснулся. Он никак не ожидал увидеть ее у своей постели.

– Что ты тут делаешь?

– Я принесла тебе поесть, – ответила она, расставляя завтрак на столе.

– Хорошо, это очень кстати...

– Вставай, я отвернусь.

– Да ладно, – вдруг расхрабрился Баар, – ты же моя невеста... почти жена.

Он размашисто откинул одеяло, сел на кровати. Верхняя рубаша и порты лежали рядом на низенькой скамейке. Он дотянулся до вещей и быстро оделся.

– Ну, что там у нас?

– Помазуха и квас, – ответила Улла.

– Помазуха? – Баар склонился над столом, рассматривая угощение.

– Это пирог.

– Ага, ясно.

Он переступил с ноги на ногу.

– Извини, я сейчас... мне надо...

Баар быстро пересек комнату и вышел за дверь. Вернулся он через несколько минут, на ходу утирая рушником лицо и шею.

– Вот теперь я готов к приему пищи, – широко улыбнулся глава медвежьего рода и тут же поморщился от боли.

Глаза его все еще представляли собой две узенькие заплывшие щелочки. Он осторожно потрогал лицо. Гематома натянула кожу до тонкости китайского шелка.

Баар придвинул скамейку к столу, сел. Улла заботливо налила ему в кружку квасу, нарезала помазуху.

– Кушай, – сдержанно улыбнувшись, предложила она, усаживаясь за стол напротив Баара.

Тот взял кусок пирога, откусил.

– Ммм, с рыбой, – он жевал не спеша, ворочать челюстями было больновато. – Сама пекла?

– Да.

– Очень вкусно, – продолжая жевать, похвалил Баар.

Он взял глиняную кружку, запил пирог квасом.

– Брусничный?

– Да.

– Сладкий квас, – не удержался от дальнейших похвал глава рода.

– С медом.

– Мммм, хорошо, тоже сама? – почти ехидно спросил глава рода.

– Да, – ответила девушка, глядя прямо в глаза Баару, – сама ставила.

Павел едва заметно улыбнулся уголками губ. Улла улыбнулась ему в ответ, прищурила глаза, разглядывая синяки на его лице.

– Что? – с набитым ртом спросил Баар.

– Надо бы еще смазать барсучьим жиром.

– Не-не, – вдруг запротестовал глава рода, качая головой, – не надо, уже почти все прошло.

– Как же, прошло. Что я, не вижу? Надо смазать, – твердо повторила Улла, словно наставляя капризного ребенка, – надо.

– Нет, не надо, больно уж вонючий этот твой барсучий жир.

И все же она настояла на своем. Баар еще недолго поупрямствовал, скорее ради формы, и наконец сдался.

– Ладно уж, мажь.

Улла терпеливо дождалась, пока глава рода наелся, и сразу после завтрака убрала со стола, а затем под села вплотную к нему.

– Запрокинь голову, – попросила она.

Баар закрыл глаза и покорился. Он почувствовал, как Улла, легонько касаясь его синяков, нанесла мазь. Потом кончиками пальцев стала осторожно втирать ее в кожу, обильно смазывая его синяки и царапины.

– Теперь давай руку, – попросила она, закончив с его лицом.

– Ага, – кивнул Баар и вытянул правую руку из рукава рубахи.

Рука была значительно повреждена, а на предплечье находилась повязка, сквозь белую ткань которой проступили следы мази и немного крови.

– Надо бы повязку сменить, – констатировала Улла, оглядев руку Баара.

Главе рода не оставалось ничего другого, как подчиниться. Пока она неторопливо снимала старую повязку, он смотрел на нее и удивлялся. Она выглядела как-то по-другому, словно помолодела.

Нельзя сказать, что раньше он видел ее часто. Он никогда специально не искал с ней встреч, хотя и знал, что она, по воле Конди, уготована ему в жены. Нет, скорее он избегал встречаться с ней. Люди порой недобро шептались за его спиной, но он делал вид, что не замечает этого, ведь он же не отказывался жениться. Да и потом беспокойная обстановка в округе не давала времени даже свободно вздохнуть, не то что жениться. Да куда там. Сначала внезапное нападение викингов, потом гибель приемного отца и его похороны, затем коварный план Порки и его заточение в кангашском свинарнике, потом его избрание главой медвежьего рода и наконец этот несчастный во всех смыслах поход, в котором он потерял единственного друга, да и сам еле спасся. И это не говоря уже про его пленение бродниками, чтобы им пусто было во веки веков, аминь... ну в смысле хвала великому Юмалу. (А теперь надлежит говорить именно так – хвала великому Юмалу. ах да! Великому с большой буквы.)

Нет, положительно, все это не давало ни на секунду расслабиться. И выпало же все это беспокойство на голову парню из миролюбивого двадцать первого века, где в его жизни самым страшным кошмаром были компьютерные игры с монстрами в подземельях и новостные сюжеты с милицейскими хрониками.

А еще следует добавить к сложившейся обстановке милый его сердцу, оставленный далеко за пеленой времени образ Настеньки. Эх, Настенька... И хотя в последнее время этот светлый образ несколько потускнел и затянулся все той же пеленой времени, Павел все еще продолжал тосковать и до последнего момента не терял надежды. Но, похоже, последнюю надежду на возможность вернуться домой он потерял вместе с Вадимом. Может быть,

именно друг смог бы найти выход, смог бы обнаружить хоть ничтожный шанс на возвращение. И что же теперь? Ни того, ни другого. Ни друга, ни шанса...

Так рассуждал Павел, разглядывая изменившееся Уллино личико. А оно действительно изменилось. Исчезла болезненная бледность и худоба, она немного поправилась и оттого похорошела. Как говорили мужики: «есть на что приятно посмотреть». Ее до того прозрачные голубовато-водянистые глаза преобразились, наполнились нежно-синим цветом, а взгляд приобрел живость и даже некоторую игривость. И главное – она сняла траурный наряд. Ее густые светлые волосы больше не скрывал печальный платок, теперь они были заплетены в одну тугую и длинную косу. Его взгляд самопроизвольно спустился ниже. Синее платье с вышивкой удивительно шло ей и категорически гармонировало с глазами.

– Ну вот, все, – произнесла Улла, закончив с повязкой.

Баар опомнился и оторвал взгляд от ее груди.

– Что?

– Все, готово.

– Ага, – он бегло осмотрел повязку, – хорошо.

Она хотела встать, но Баар удержал ее, взяв за руку.

– Подожди, – почти смущенно попросил глава рода, – я хотел спросить...

– Что?

– Как там маленький Пекки?

Она с интересом посмотрела на него, улыбнулась.

– Хорошо, уже стал держать головку.

– Действительно хорошо, – поддакнул Баар.

– Я пойду...

– Нет, не уходи, – попросил он, – посиди со мной.

Улла покорно опустилась на скамью.

– Я хотел узнать – где твои родители? Я вообще хоть что-то хочу знать о тебе. Мы скоро станем мужем и женой, а я совсем ничего не знаю о твоей семье.

Улыбка сошла с ее лица, и она печально посмотрела прямо ему в глаза.

– Пекки – это вся моя семья...

Баар понимающе качнул головой, – мол, понял, извини, сморозил глупость; ее муж Митта был убит на его глазах, а тесть Конди пал в битве с викингами почти два месяца тому назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.